

ИЗ ЗАЛА СУДА

Илья Щедров

ОПЛАЧЕНО
СОВЕСТЬЮ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

Илья Щедров

ОПЛАЧЕНО СОВЕСТЬЮ

*

*Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1960*

«—Вас интересуют таинственные дела? С преступниками в масках и развороченными сейфами? Честное слово, я давно уже не встречал что-либо подобное. Есть другие дела. Внешне они не очень таинственны. Но если покопаться в них, нащупать пружинки, эти дела окажутся не такими уж простыми. С одним из них я могу вас познакомить...»

*(Из разговора с народным
судьей Иваном Яковлевичем
Задорожным)*

Ночные голоса осени унылы и тревожны. Ветер шуршит по земле черными от дождя листьями, завывает в проводах. Скрипят верхушки сосен. Вдали низкой нотой пропел гудок электрички.

— Последняя из Москвы. Пора по домам, Леша, — девушка зябко поежилась.

Поселок давно спал, и только эти двое все стояли у калитки. Вокруг было темно, ближайший фонарь почему-то не горел.

— Еще пять минут, завтра ведь выходной, — протянул паренек.

— Нет, нет, уже очень поздно, — заторопилась девушка, — тебе далеко идти. Прощай.

— Ну, подожди минутку!

Спор прервали шаги. Кто-то быстро шел вдоль забора, скользя по размытой глине и освещая себе путь электрическим фонариком. Луч коснулся стоявших у калитки и тотчас погас. В темноте замерцал огонек папирсы.

Паренек поспешно вытащил сигарету. Прекрасный предлог продлить свидание!

— Разрешите прикурить...

Человек в брезентовом плаще с капюшоном, низко надвинутым на лоб, остановился и, порывшись в карманах, сунул юноше спичечную коробку:

— Оставь себе.

Не ожидая благодарности, он заспешил дальше и скрылся в темноте.

— Видишь, не одни мы гуляем, — растерянно произнес парень.

Ветер гасил спички, и Леша никак не мог прикурить. Зажигая третью спичку, он увидел на земле, почти у своих ног, что-то белевшее, скомканное. Леша нагнулся.

— Смотри-ка!.. Неужели это он потерял?..

* * *

На окраине поселка, в стороне от домов стоит ветхая сторожка. Когда-то в ней дежурил старичок с берданкой, охранявший огороды рабочих соседней фабрики. Теперь на месте огородов раскинулось широкое поле, а заброшенная сторожка все продолжает стоять.

Человек в брезентовом плаще подошел к сторожке, оглянулся и открыл дверь. Войдя, он сбросил плащ, зажег фонарик. Достав маленькую лопатку, ловко приподнял две половицы. Прислушался. Все тихо.

Ночной посетитель уверенно заработал лопаткой, выбрасывая из подпола комья рыжевато-земли. Иногда он останавливался и, сдерживая дыхание, ловил ночные звуки. Наконец, лопата звякнула о что-то твердое.

Человек осторожно вытащил тяжелый квадратный предмет, завернутый в промасленную тряпку. Это был железный ящичек с висячим замком. Человек открыл ящичек, вынул из бокового кармана пиджака сверток в серой бумаге и положил в ящик. Затем он снова аккуратно завернул его в тряпку, опустил в яму и засыпал землей. Плотно прижал землю ногами и настлал сверху половицы. Выйдя из сторожки, он осмотрелся и зашагал прочь.

1. ДВОЕ ПРИНИМАЮТ РЕШЕНИЕ

«...Сообщив вышеизложенное, они назвали свои фамилии, а также место работы... По моим наблюдениям, они находились не совсем в трезвом состоянии. Мною был составлен протокол заявления, который прилагаю»

(Из рапорта дежурного по отделению милиции)

— Хватит, — светловолосый парень в расстегнутой спецовке хлопнул ладонью по мраморному столику, — хватит, мне эта лавочка надоела!

Глаза его под белесыми бровями сузились. Сидевший напротив чуть сгорбленный человек с бритой головой недовольно поморщился:

— Не шуми, люди кругом. Если мы откажемся, он нам житья не даст. Знали ведь, на что шли...

Светловолосый сидел, широко расставив локти, сжимая ладонями опущенную голову. Недопитая стопка была отодвинута в сторону.

— Откуда я знал? — он выпрямился. — А после у меня выбора не было. Назад идти, что ли? Я думал — отвяжется. Кому рассказать, — он заговорил тише, — не поверят. Всех скрутил подлец, никто ему слово не скажи... Хозяин.

Приятели замолчали. Старший бесцельно водил вилкой по тарелке, а его товарищ сумрачно оглядывал зал. В закускойной курили, и сизый дым густо висел в небольшом помещении. Сквозь гул голосов доносились обрывки фраз: «Вася, ты гляди, на новоселье всю бригаду зови...», «Мастер говорит, что, мол, прогрессивку обязаны платить, обязаны...», «Ему путевку, а он артачится — хочу в августе...» День выплескивал здесь свои нехитрые, будничные новости.

— Ну, ладно, давай выпьем, — бритоголовый тронул парня за локоть.

Тот отодвинулся.

— Не буду, противно мне... И главное — молчат все, благодетелем его считают.

— Это ты зря. Благодетелем его никто не считает, особенно сейчас. Поняли, с кем дело имеют. А говорить, действительно, не хотят.

Вновь за столиком воцарилось молчание. Его нарушил молодой. Придвинувшись к собеседнику, возбужденно заговорил:

— Я давно над этим делом думаю. И теперь решил. Твердо.

Он наклонился и зашептал на ухо соседу.

— Ты что! — пожилой даже поперхнулся. — Спятил? Да нас же первых...

— Пускай! Я больше молчать не желаю. Виноваты — накажут.

Парень резко отодвинул от себя тарелку.

— Если трусишь, сам пойдешь.

— Как же так, — растерянно бормотал пожилой, — вместе работаем, а тут — на тебе...

— Пожалел! — светловолосый зло выругался. — А он, прохвост, нас жалеет? Да что толковать! Не можем его своими силами скинуть — надо делать, как говорю.

— Попробуй, свяжись с ним... А доказательства у тебя где?

— Разберутся, что к чему, народ там опытный, и мы поможем.

Долго еще разговаривали приятели за крайним столиком, то шепотом, то, забываясь, в полный голос. Спорили и соглашались, снова спорили и снова соглашались...

Из закускойной они вышли молча.

2. ВСТРЕЧА С БРИГАДИРОМ

В синеватом квадрате окна робкий отблеск рассвета. Виктор повернулся на другой бок, снова закрыл глаза. Не спалось. Сегодня его жизнь потечет новым руслом: первый рабочий день на заводе «Стройдеталь». Попал туда Виктор не совсем обычно.

Однажды на улице его окликнула личность в канареечном шарфе и гороховом пальто.

— Товарищу Стрижову, герою труда! — личность дурашливо приподняла беретик. — С тех пор, как о вас трубят все газеты, вы перестали замечать старых знакомых. Ну, как там, на вершинах славы, не дует?

Виктор не сразу узнал Пашку Осинкина, с которым кончал когда-то ФЗУ. Тогда, в училище, Стрижов имел мало общего с этим долговязым парнем, слывшим лодырем и болтуном.

Сколько лет они не виделись? Пожалуй, с того самого дня, когда Стрижов переступил порог машиностроительного завода. Трудовая биография Виктора была до последнего времени безупречной. По-настоящему одаренный, он легко постигал глубины профессионального мастерства. Несколько оригинальных рационализаторских предложений Стрижова были с успехом проведены в жизнь. О молодом рабочем, ставшем модельщиком шестого разряда, действительно, писали в газетах, а однажды ему довелось и по радио выступать.

Рядом с фамилией Стрижова в различных докладах и отчетах постоянно соседствовали эпитеты: «наш смелый новатор», «наш лучший передовик». Как иногда бывает, делалось это без всякой меры, просто по привычке: чего других искать, когда такой хороший парень под руками?

И с некоторых пор «хороший парень» начал заметно меняться; вместо него все чаще являлся на работу этакий бывалый специалист, по поводу и без повода повторявший глупую присказку: «То, что вы еще узнаете, я давно забыл». Однажды, когда необходимо было сделать важную сверхурочную работу, Виктор демонстративно покинул цех:

— Подумаешь, согласовано с завкомом! Пускай завком и работает, а мое время кончилось.

Еще долго будет помнить Виктор комсомольское собрание, разбиравшее только один вопрос: «Персональное дело т. Стрижова». Ох, как нехорошо чувствовал он себя на собрании! Словно горячими остриями жгли слова товарищей: «Зазнался... Возомнил себя выше всех... Газеты голову вскружили...» После собрания портрет Стрижова сняли с доски почета.

Наедине с собой Виктор не мог не признать, что все это правда, горькая правда и потому еще более обидная. Он стал замкнутым, молчаливым. Многое понял Стрижов в эти дни. Может быть, вновь он стал бы прежним, старательным и добродушным Виктором, не держи он где-то на задворках сознания злопамятную мысль: «Вот уйду, тогда вспомните Стрижова». А может, и эту мысль удалось бы выбросить из головы, не встреть он на людной московской улице Пашку Осинкина.

Виктор не очень обрадовался встрече. Глупые шуточки этого долговязого были сейчас особенно неприятны.

— Брось, Пашка, — Стрижов без улыбки дернул Осинкина за лацкан модного пальто, — ты-то где работаешь?

— Да что я, — продолжал тараторить Осинкин, — грёши у меня водятся, работенка не пыльная, дружки, с которыми можно выпить, имеются. Не жалуясь. Правда, нет у меня вашей геройской славы. Но она мне ни к чему, ею в ресторане по счету не заплатишь.

На Пашкины расспросы Виктор отвечал односложно: «ничего», «так себе», «в порядке», и тот без труда сообразил, что бывший однокашник наскочил на какую-то мель.

— А хочешь, Витя, — Осинкин вдруг изменил свой шутовской тон и говорил уже серьезно, — я тебя на такую работу пристрою, век будешь благодарить!

Стрижов откровенно хмыкнул. Верить этому болтуну? Нет, пусть кому другому расскажет. Но Пашка не отставал. Он божился, что знает один завод, где нужны сейчас опытные модельщики, что заработки там «шикарные», что бригадир — его близкий друг, нужно только посидеть с ним в закуской и все будет «в ажуре».

В конце концов Виктор, хотя и не особенно понравился ему план с закуской, согласился встретиться

с бригадиром. И вновь шевельнулось: «Поглядим, как без Стрижова управитесь».

Через два дня Виктор вместе с Пашкой поехал на завод «Стройдеталь». Пришлось порядочно подождать, пока из проходной вышел мужчина в кожаном реглане.

— Богомаз,—коротко поздоровался он со Стрижовым.

Исподтишка разглядывая бригадира, Виктор пытался угадать, сколько ему лет. Богомаз находился в том неопределенном возрасте, когда человеку можно дать и сорок, и все пятьдесят. Он был невысок, грузен, с широкими плечами и крепко посаженной головой. Рот с чуть опущенными уголками, плотно сжатые тонкие губы, глаза серые, холодные.

Втроем пошли в ближайшую закусочную, заказали пол-литра столичной и разной снеди.

— Так, молодой человек,—начал Богомаз,—мне сказали, что вы хотите у меня работать?

Слова бригадира заставили Виктора насторожиться. «В моей бригаде»—это куда ни шло, а то «у меня»... В другое время и в иной обстановке Стрижов, возможно, и ответил бы бригадиру что-нибудь язвительное, но тут он чувствовал себя просителем, да и Пашка рта не дал раскрыть:

— Какие могут быть вопросы, Прокофий Никодимыч, он давно хочет к вам попасть, можно сказать, спит и видит. Работяга первейший, весь комод грамотами завален...

Богомаз будто не слышал Пашкиной болтовни. Обращался он только к Стрижову. Бригадир говорил коротко, не ожидая ответа собеседника. Было видно, что человек этот не привык сомневаться в правильности своих слов. И одет он был строго, по-военному: аккуратная гимнастерка с широким офицерским ремнем, синие галифе, начищенные сапоги.

Слушая бригадира, Виктор забыл неприятное начало беседы. Богомаз показался ему незаурядным специалистом, знающим все сложности профессии модельщика, которую Стрижов, как и многие его товарищи, считал искусством. Теперь Виктор с нескрываемым уважением смотрел на своего будущего начальника. А тот уверенно говорил, что настоящим модельщиком нужно родиться, иметь искру в душе.

Стрижов узнал, что работа, которая ему предстоит, довольно сложная. Бригада Богомаза делает крупные модели высшего класса точности. Нужно отлично знать дерево, станки, быстро читать чертежи. Все рабочие в бригаде высокой квалификации.

— Зато, — бригадир сделал многозначительную паузу, — получать будете солидно.

Он назвал цифру, раза в полтора превышающую нынешний заработок Виктора.

— По такому случаю, — сразу оживился Осинкин, — налей бокал, как говорил поэт, в нем нет вина. Поэт, безусловно, ошибался: речь шла о водке. Официант! То же самое к тому же столу!

У Виктора уже шумело в голове, но отказаться было невозможно. В глазах Богомаза хотелось выглядеть настоящим мужчиной. Бригадир ему нравился. Может быть, чересчур «якает», но мужик, видно, очень толковый, с таким не пропадешь.

Было еще одно обстоятельство, вызвавшее у молодого парня невольную симпатию к этому человеку. Виктору, привыкшему у себя на заводе слышать от бригадира только: «Витек, иди сюда», «Витек, сделай то-то», Богомаз говорил «вы». И хотя знал Стрижов, что уса-тый дядя Миша, его нынешний бригадир, считавший парня своим лучшим учеником, обращался к нему на «ты» не от какого-то высокомерного превосходства, а просто как старший товарищ и наставник, все же обращение Богомаза звучало весьма приятно.

Договорились, что Виктор немедленно возьмет расчет и, как только получит трудовую книжку, придет на «Стройдеталь», а там уж Прокофий Никодимович все сделает сам.

— Кандидатура ваша подходящая, но надо поторопиться. Работы сейчас прибавилось, люди нужны, — заметил на прощание Богомаз.

3. «С ТЕБЯ ПРИЧИТАЕТСЯ, ПАРЕНЬ...»

Екатерина Григорьевна держит в руках комсомольский билет. Она взяла его из Витинового пиджака. Если бы раньше кто-нибудь сказал, что она будет осматривать карманы сына! Но час назад...

Было уже около одиннадцати, когда Екатерина Григорьевна, встревоженная долгим отсутствием сына, вдруг услышала, как за дверью упало что-то тяжелое. «Витя?!» — она бросилась к двери. На лестничной площадке лежал Виктор, без шапки, в испачканном пальто. Она втащила его в комнату, раздела и уложила в кровать.

Виктор был совершенно пьян. Случалось, и раньше приходил он домой немного навеселе, но бывало это очень редко, и Екатерина Григорьевна никогда его не корила. Но таким, как в этот вечер, она еще не видела Виктора.

Раздевая дрожащими руками сына, Екатерина Григорьевна заметила, что из кармана пальто торчит смятая сторублевая бумажка. «Наверное, получка, — мелькнуло у матери, — не потерял ли?» Так в первый раз она стала осматривать карманы сына. Ну, конечно, Витя получил зарплату. Екатерина Григорьевна пересчитала деньги и положила на стул около кровати сына: пусть утром сам отдаст.

Перебирая хрустящие бумажки, она увидела и эту книжечку в темно-красном переплете и невольно раскрыла ее. Витя смотрел с фотографии, одетый в шинель ремесленника. Совсем мальчишка! Ох, не заметила мать, как стал мальчишка мужчиной, главой и кормильцем маленькой семьи. А вот и первая получка обозначена. Все до рубля тогда отдал, даже на кино брать не хотел. С тех пор так и повелось: заработанные деньги целиком приносил домой, а если было нужно что-нибудь, брал у матери.

Да, кстати, можно узнать, не потерял ли Витя деньги... Что такое, не может быть! В комсомольском билете стоит сумма, намного превышающая ту, что принес Виктор. Неужели на водку столько истратил? Или потерял?..

Ночь не принесла сна. Утром, глядя на угрюмого, с трудом поднявшегося сына, Екатерина Григорьевна почувствовала, как ползут по щекам горячие капельки.

— Ну, что ты, мать, — попытался улыбнуться Виктор, — ничего ведь страшного не случилось...

— Не случилось? А ты видел, каким пришел? — голос у матери дрожал. — Ладно, это еще простить можно.

Скажи лучше, куда ты деньги деваешь? Я твой комсомольский билет видела.

Этого он не ожидал. Торопливо стал рассказывать, что задолжал немного друзьям и вот с этой полочки нужно было отдать. Ходили раз в ресторан, в кино были, еще где-то, в общем, мелочи, ерунда.

Виктор видел: мать не верит ему, но как еще объяснить, куда делись эти проклятые деньги? В будущем он снова не сможет отдавать их целиком.

...За две недели, проведенные на заводе «Стройдеталь», Стрижов ни с кем из новых своих товарищей не сошелся. Народ в бригаде был какой-то молчаливый, сдержанный. Трудились здесь сноровисто и без лишних перекуров.

Виктор стремился попасть в общий тон: работал молча, почти ни к кому не обращался, подсказки и помощи не просил. Пусть видят, что пришел настоящий модельщик. Дело у него шло на лад. Бригадир спокойно проходил мимо: парень трудился на совесть.

Стрижов старался. И было тут не только желание «показать класс», свойственное любому новичку. Слова Богомаза о солидных заработках, сказанные тогда в закуской, не выходили из головы.

Виктор Стрижов знал, «почем стоят деньги». Бугорки мозолей на его руках были лучшим свидетельством этого трудного познания. Отец Виктора погиб на фронте, мать вот уже второй год получает пенсию. Деньги, что приносил домой Виктор, стали с тех пор основой семейного благосостояния — они шли на покупку одежды, обуви, новой мебели.

К тем, кто все измерял на яршин «сколько можно зашибить», Виктор относился презрительно. Но ему пришлось довольно быстро расстаться со стыдливой философией: мол, не за деньги работаем.

— Серьезно? — прищурился дядя Миша, услышав как-то подобные рассуждения своего ученика. — Брось ты эту глупость. Рабочему человеку незачем стесняться, когда он деньги за свой труд получает. Мы еще при социализме живем: бери, что заработал. А сознательность свою побереги на другой случай. Главное — это когда за честную работу честные деньги получаешь. Вот так вот!

Ну, что ж, на «Стройдетали» Виктор трудился честно.

Подошел день первой получки. Стрижову не терпелось узнать, сколько же он заработал за эти полмесяца. По его подсчетам выходило не так уж мало. Простоев не было, все изделия шли без брака.

Около узкого окошка кассы в обеденный перерыв затолпился народ. Виктор тоже встал в очередь.

— Чего зря стоишь, — проходивший мимо модельщик дернул его за рукав, — нам будут отдельно давать, после, когда все получают.

«Привилегии какие», — подумал Стрижов, но расспрашивать ни о чем не стал.

Вечером, после гудка, когда рабочие умывались, вошел Богомаз и сказал, что можно получить зарплату. Модельщики неторопливо потянулись к кассе. Дошла очередь и до Стрижова.

— Ну, что вы не расписываетесь? Давайте поживее, — из окошка выглянуло усталое лицо кассира.

Виктор растерянно глядел на ведомость. «Не может быть, наверное, ошибка, нужно сказать», — пронеслось в голове. Услышав окрик кассира, он машинально взял ручку, поставил подпись и, получив увесистую пачку денег, принялся пересчитывать.

Все правильно! Но почему он вдруг получил такую большую сумму, ведь Богомаз говорил о меньших заработках. А, чего там раздумывать! Ясно: здесь так платят. Жаль, что нет рядом старых приятелей с машиностроительного.

Виктор уже спрятал деньги в карман, когда его поздравил модельщик по фамилии Бурыкин, низкорослый человек с реденькими волосами и морщинистым лицом.

— С тебя причитается, парень, — без предисловия сообщил он Стрижову, ласково улыбаясь полдюжиной золотых зубов.

— На магарыч, что ли? — спросил Виктор.

Если в бригаде такой порядок, он возражать не станет.

— Магарыч? — Бурыкин насмешливо поднял брови. — Нет, мил человек, тут другой переплет. Если хочешь, конечно, трудящимся поставить, дело твое. Будем только приветствовать. Но у меня к тебе особая статья...

— Как, Семен, все в порядке?

— Так точно, Прокофий Никодимыч.

— Свое взял? Хотя ты никогда не упустишь. А что новичок, не барахтался?

— Без звука, только спасибо забыл сказать. Куда ему деваться, Прокофий Никодимыч, у вас все до микрона рассчитано.

4. КАРЬЕРА БОГОМАЗА

«— Когда же вам пришла в голову эта идея?»

— Какая еще идея? Не пойму я, что вы от меня хотите...»

(Из допроса на предварительном следствии)

В самом деле, когда она возникла, эта мысль?.. Что ты хитришь наедине с собой, Богомаз? Вспомни. Это нужно вспомнить.

Может быть, в те далекие годы, когда слышал от отца, владевшего во время нэпа крохотной сапожной мастерской, вездливые слова: «Копеечку, ее урвать надо». Но отец давно умер, а Проша Богомаз учился в советской школе.

Однако отцовские наставления не забылись. Хорошо помнил Богомаз-младший, как отец спорил до хрипоты с каким-нибудь залатанным мужичком и все же выторговывал у него полтинник. «Куручка по зернышку клюет», — подмигивал он. Но не помогли ни полтинничные победы, ни экономия на гвоздях. Клиенты все реже заглядывали к холодному сапожнику, предпочитая кооперативную мастерскую, где починка обходилась дешевле. Пришлось Никодиму Богомазу распродать свой немудреный инструмент. Он запил и вскоре умер.

Проша к тому времени заканчивал школу. От отца он унаследовал трудолюбие (умеренное) и бережливость (разумную). Юный Богомаз никогда не говорил, что хочет разбогатеть. Попробуй скажи! Сразу прилепят тебе кличку «буржуй». Но разбогатеть Проша обя-

зательно хотел. Он с завистью поглядывал на последних «зубров» нэпа, элегантных, самоуверенных мужчин и женщин. Однако нэп подходил к финишу...

Своей профессией Богомаз был обязан брату отца.

— Нынче, дружок, частный владелец из моды выходит, — говорил дядя, — надо тебе в рабочий класс подаваться, в гегемоны. Карьеру теперь иначе не сделаешь.

С дядиной помощью Проша устроился на завод учеником модельщика. Пришлось ему помыкаться у старых мастеров, начавших работать еще до революции. Они требовали и почтения, и доброхотных подношений.

Богомаз не перечил им, был усерден и понятлив. Потом он начал работать самостоятельно. Модельное дело ему нравилось: эта сравнительно редкая профессия всегда ценилась и высоко оплачивалась.

Но главного-то Проша не достиг. А главным для него были деньги, только деньги. Неплохо, конечно, получать солидную зарплату, еще лучше — премии. Однако все, что делал Богомаз за верстаком в положенные ему восемь часов, он объединял презрительным словом «ишачить» в противоположность «доходу», то есть откуда-то вдруг взявшемуся денежному источнику, из которого течет к тебе в карман «за здорово живешь».

...Может быть, та мысль родилась, когда ему впервые поручили обучать новичков? Двое неуклюжих ребят глядели на модельщика, раскрыв рты. Богомазу это льстило.

Однажды он осторожно намекнул своим подопечным, что готов иногда задержаться в цехе, чтобы сократить срок ученичества, но за такое дело, разумеется, не мешало бы...

Ребята, хотя и тихие, однако быстро сообразили, что к чему. Каждому хочется разряд пораньше получить. В очередную получку Богомазу были осторожно сунуты в карман фартука несколько смятых бумажек. Он сделал вид, что ничего не заметил.

Богомаз не задерживался подолгу на одном месте. Призрачная мечта о богатстве бросала беспокойного модельщика из одного города в другой. Заработки его год от года росли.

На завод «Стройдеталь» Богомаз пришел, имея за плечами двадцатипятилетний опыт модельщика. Его рекомендовал сюда инженер, с которым Прокофий Никодимович работал когда-то в Киеве.

— Иди, заработки там будут отличные, — сказал инженер.

Директор «Стройдетали» Волович, подвижной лысеющий толстяк, не стал томить Богомаза в приемной.

— Дело срочное, — заговорил он скороговоркой, — ждать не можем, разрешение есть, будем создавать у себя модельное производство. Бригаду возглавите вы. Все, все делайте сами. Подберите порядочных людей, ищите станки, договаривайтесь с заказчиками. Желаю успеха, желаю успеха!

Директор очень спешил. Вот уже несколько месяцев завод проваливал программу, «сверху» надвигалась гроза. И сейчас у Воловича был чудесный план: создать модельную бригаду! Затрат это особых не потребует, а программу «в целом по валу» выполнить поможет. «В денежном выражении» государственное задание будет выполнено! Дорогостоящие модели все покроют.

В главке, может быть, и разгадали «ход конем», но предложение одобрили. Литейные цеха есть на многих предприятиях, и модели для них всегда нужны.

«С заказчиками договаривайтесь сами», — эти слова директора Богомаз запомнил крепко. Еще бы не запомнить! Кто-кто, а Богомаз знал, что если литейщикам модель нужна срочно, то тут они за ценой не постоят: надбавят и за сложность, и за прочность, и еще за что-нибудь. Надо только с умом искать заказчиков. Будьте уверены, Богомаз возьмет это дело в крепкие руки! Заработки здесь будут повыше, чем на старых заводах, где годами существует модельное производство, где выверенная технология и строгое нормирование.

Нужно еще подобрать людей, «порядочных людей», как выражается директор. Попробуем...

В те лихорадочные дни бригадир модельщиков завода «Стройдеталь» Прокофий Богомаз ощутил у себя за спиной трепетные крылья удачи. У него, как и у директора, тоже был свой план.

— Ты брось крутить. Согласен — говори, нет — оставайся при своих, — Богомаз зло посмотрел на своего шуплого собеседника.

— Я разве отказываюсь? Но опять же, боязно... Сорвусь я с хорошего места, а у тебя бог весть еще что получится. Тут и потерять недолго. Потом народ всякий может попасться...

— Получится! А народ я сам подберу. Ты поможешь.

Семен Бурыкин был первым, к кому обратился бригадир. И не случайно. Двое старых модельщиков отлично знали друг друга: было время, когда Бурыкин работал под началом у Богомаза.

Природа не наделила Бурыкина особым талантом, однако все, что делал этот маленький человек, отличалось сугубой точностью и аккуратностью. Ему всегда поручали самую тонкую работу. А еще слыл Бурыкин отчаянным сквалыгой.

Вдыхая застоявшийся пыльный воздух холостяцкой комнатки, Богомаз неодобрительно оглядывал обстановку: обшарпанные стулья, какой-то доисторический клеенчатый диванчик, неопрятный стол. Да и сам хозяин в засаленной дубленой безрукавке, из-под которой виднелась грязная рубаха, выглядел, как нищий. А ведь на сберкнижке у этого типа, небось, не один десяток тысяч. Такую скупость бригадир не уважал.

Сегодня Богомаз видел своего приятеля насквозь. Пусть он не толкует, что боится потерять насиженное место. Просто Бурыкин медлительно высчитывает, где выгоднее. Ему копейку кому-нибудь отдать — нож острый. Но должен же он понять, что на новом месте будет получать больше!

— Была не была, — сказал, наконец, Бурыкин, — по рукам!

В том, что этот жадюга согласится, Богомаз не сомневался. А вот как быть с остальными? За долгие годы работы у бригадира модельщиков сложилось вполне определенное и, нужно сказать, верное мнение о рабочем человеке: правду режет любому начальнику, на нужное не зарится, но и свое не отдаст, хитрому делу не пособник. Однако знал Прокофий Никодимович и других. Встречал он жадных, как Семен Бурыкин, видел трусли-

вых, беспокойно ищущих начальническое расположение, знал и тех, о ком в народе говорят, что их хата всегда с краю. Вот на таких-то и рассчитывал бригадир. Этих искал.

Первую кандидатуру подсказал Бурыкин.

5. ОДИН АМНИСТИРОВАННЫЙ И ТРИ МУШКЕТЕРА

«— У вас была судимость?

— Была.

— За что?

— По семьдесят четвертой статье, за хулиганство... Три года мне дали, а сидел я меньше. Амнистия тогда вышла. Ну, меня, значит, и освободили досрочно...»

(Из допроса в судебном заседании)

Кошкин не предполагал, что сердце может так громко стучать. Увидев на высокой стене вокзала светящуюся красную вязь этого слова, он невольно зажмурился. Москва!.. Длинными ночами в чужой стороне грезилось ему это слово. Будто десять лет прошло!

Кошкин плотнее запахнул ватник, надвинул кепку и, подхватив чемоданчик, вышел на площадь. Начинало темнеть. По асфальту вихрилась снежная крупа. На автобусной остановке кондукторша замерзшими пальцами стучала по стеклу: быстрее поднимайтесь, быстрее.

Глядя в окно автобуса, Кошкин узнавал и не узнавал эти улицы. Вот здесь на углу был маленький двухэтажный домик, а сейчас подымается кладка нового здания. Ярко светятся окна большого дома, витрины магазина.

На душе у Кошкина беспокойно. В колонии он не раз слышал истории, в которых, несмотря на некоторые различия, был один и тот же сюжет: муж в заключении, а жена тем временем уходит к другому. Нет! Зина не такая! Правда, пожили они всего каких-нибудь полгода

до того, как случилось «это». Уже в колонии Кошкин узнал, что стал отцом. Почти через день писал в Москву, и Зина тоже часто писала ласковые такие письма... Но все же он решил не сообщать о дне своего приезда.

...Первые минуты беспорядочны и счастливы. Хочется и плакать, и смеяться, и узнать сразу все-все.

— Ты похудел... Тяжело тебе было, Сереженька?

— Нет, нет... А ты как? Одна, с Колькой? Трудно ведь...

Когда жена показала ему спящего сына, разбросавшего по одеялу маленькие ручки, он до крови закусил губу. Такой же чернявый, как отец. Ну, ничего, ничего, пацан, больше папка от тебя не уедет.

Конечно же, все его страхи были напрасны. Тут и спрашивать нечего, по глазам видно: ждала, верила, мучилась...

— Теперь все! Устраиваюсь на работу. Водку — к черту. Пора за ум браться, сын как-никак растет.

Через день Кошкин бодро шагал на завод, где, судя по объявлению, требовались модельщики.

В колонии ему работы по специальности не нашли, пришлось столярничать. Но дела своего он не забыл и частенько думал о том, как читал бы чертежи, отгадывая замысел конструктора, а потом видел бы под своими руками модель нового станка или какой-нибудь диковинной детали.

Любил ли Сергей Кошкин свою профессию? Спросите его прямо, ответит грубоватой шуткой: «Одели хомут с малолетства, никуда теперь не убежишь». А на самом деле влекла она Кошкина неодолимо, эта интересная и сложная специальность. И если бы не пристрастился парень к выпивке, кто знает, может стал бы первостатейным модельщиком.

Но на старом поставлен крест. Поэтому и шагает Сергей Кошкин не на свой родной завод, где каждый ему может вспомнить тот злосчастный вечер в клубе, а идет совсем в другое место.

Инспектор по кадрам принял его весьма вежливо. Предложил стул, осведомился, где работал товарищ, попросил документы. Полистав их и осторожненько сложив, он поправил очки в тоненькой золотой оправе и сказал:

— К сожалению, ничем помочь не могу. Модельщики на сегодняшний день нам не требуются.

— Как не требуются?! А объявление?

— К сожалению, ничего больше добавить не могу. До свидания.

Кто знает, возможно, инспектор говорил правду. Возможно, был он человеком передовых взглядов и не боялся справок об освобождении. Трудно сказать. И лишь одно ясно: сидел в том кабинете равнодушный администратор, не видевший холодными своими глазами, что вошел к нему человек, чья жизнь сейчас вновь становится на нормальные рельсы. Товарищ инспектор! Задержите этого человека! Если вам сегодня не нужны модельщики, позвоните на соседний завод. А главное, скажите ему: «Твоя судимость вовсе не мешает тебе найти работу!»

Но ничего этого Сергей Кошкин не услышал. Его будто облили ушатом ледяной воды. Что же это такое? Значит, если тебя когда-то судили, то иди вору и снова в тюрьму? А ведь в газетах пишут, что к амнистированным надо по-людски подходить, трудоустраивать (это слово особенно запомнилось Кошкину).

В первую минуту Сергей решил не сдаваться: «Напишу жалобу..., пойду в редакцию, а правды добьюсь». Но так было только в первую минуту. Не любил Сергей жаловаться.

На прежнюю работу идти не хотелось, но все же пошел. От одного из своих бывших товарищей он узнал, что Семен Бурыкин переходит на новое место и там нужны модельщики.

...Бурыкин пригласил Сергея к себе домой. Туда же пришел Богомаз. Бригадир сочувственно выслушал бывшего заключенного и вскользь заметил, что с такими документами нынче не очень-то... Есть указание, он знает. А в газетах пишут так, для порядка.

Кошкин загорячился было, но Богомаз примирительно сказал:

— Ладно, ты не особенно переживай. Попробую помочь.

— А не шутите? — во взгляде парня была такая надежда, что Богомаз невольно отвел глаза. — Товарищ

Богомаз, мне сейчас работа во как нужна! — Кошкин провел ребром ладони по горлу.

— Что я, не понимаю? Сам знаю, как молодая жена деньги любит. Эх, друг, хотелось бы помочь тебе!

Бригадир обещал рискнуть. Была не была, он поговорит с начальством. За спрос денег не берут. Если надо, то и выпить можно с полезным человеком. Чего только для хорошего парня не сделаешь!

— А ты как, не выпиваешь?

— Раньше было, а теперь нет.

— Ну, это зря! Что за модельщик, который водки не пьет! Ничего, устроишься, мы еще соберемся как-нибудь здесь, посидим. Не прогонишь, Семен?

— Всегда пожалуйста, милости просим, — засуетился Бурыкин.

Через несколько дней Богомаз вновь встретился с Сергеем у Бурыкина и сразу перешел к делу:

— Взять на работу, конечно, можно, но есть одна загвоздка, — бригадир выразительно посмотрел на Кошкина. — Начальству требуется дать, — он сделал ударение на последнем слове. — Оно, понимаешь, дачу строит. Но ты не беспокойся: не все сразу, а частями, в дни получек. И насчет собственного заработка можешь не волноваться. Расценки очень хорошие.

Притихший Бурыкин (засосало у него под ложечкой от этого разговора) молча закивал головой.

Кошкин не стал долго раздумывать. Иного выхода он не видел.

* * *

Почти одновременно с Кошкиным на «Стройдеталь» были зачислены еще три модельщика. Пришли они с одного завода, где считались неразлучными друзьями и имели прозвище — три мушкетера.

Даже внешне походили они друг на друга: чубчики из-под глубоко надвинутых светлых кепок, поднятые воротники пальто, сапоги чуть-чуть в гармошку.

Но за внешним сходством скрывались три разных характера. Заводилой был Костя Федоровский, по прозвищу Костя-капитан, круглолицый здоровяк, любивший

похвастать своей недюжинной физической силой. Поставив на голову тяжелую модель, Костя мог легко пронести ее по цеху и осторожно погрузить на машину. Двое других — Толик Тараканов и Юра Миляев, признавая несомненные способности Кости-капитана, молчаливо соглашались с его ролью вожака. Толик был страстным поклонником кино и болельщиком «Спартака». Немного застенчивый Юра Миляев, по прозвищу Миляга, имел особое пристрастие к книгам, за что почему-то высмеивался своими товарищами.

И вдруг Костя Федоровский надумал... жениться! И это при «железной» холостяцкой клятве?!

— Та-ак! Сейчас, значит, жена, хозяйство, потом пеленки, и пропал Костя-капитан?

— Бросьте вы, — отбивался смущенный жених, — что меня, на цепь посадят?

Однако шло время, и Костя, как выражались его друзья, начал «линять». В кино — некогда, на стадион — не могу, выпить — денег нет. Авторитет главного мушкетера неудержимо покатился вниз. Приятели иронически расхваливали верность и добродетельность молодого мужа, и самолюбивый Костя-капитан страдал.

Однажды до Федоровского дошли слухи, что на заводе «Стройдеталь» набирают бригаду модельщиков. Ничего не сказав Юрке и Толику, он отправился туда. Обратного Костя не шел, а летел. Погодите, друзья, вы еще почувствуете, кто такой Федоровский! На «Стройдетали» работа что надо! Заработок больше на несколько сот рублей в месяц, бригадир — свой парень, даже выпили с ним, он угостил. Туда любой модельщик пойдет, это факт.

Ребята сначала холодно отнеслись к переходу на незнакомый завод, но Костя так ярко расписал им все преимущества новой работы, что они решили перейти туда все вместе. И немедленно. Федоровский был говорлив и возбужден, он снова чувствовал себя Костей-капитаном.

А когда они уже оформлялись на «Стройдеталь» и сидели в коридорчике заводоуправления, Богомаз отозвал Федоровского в сторонку и сказал:

— Ты помнишь, какой я тебе заработок обещал?

— Помню, а что?

— Тише. Так вот, ты будешь получать больше, чем я тебе говорил. И еще уговор: все, что получите сверх условленной суммы, будете отдавать. Этим двоим сам скажи. Понял?

Костя растерянно оглянулся на ребят.

— А зачем это?

— То, что я вам обещал, вы получите. А лишнее вам не нужно. Так что ли? Короче, если согласны — милости прошу, а нет... — и Богомаз выразительно показал на дверь.

Федоровский снова беспомощно покосился на Толика и Юрку. Неужели он втянул ребят в какую-то темную историю? Что это за лишние деньги, которые они будут получать и потом отдавать? И как он скажет ребятам, что будет зарабатывать больше, чем они?

Богомаз ждал. Его расчет был прост: самолюбие не позволит Косте-капитану идти на попятный. Да и от денег он не откажется. Бригадир, кажется, раскусил его.

И Костя согласился. Он пообещал, что ребята тоже согласятся.

* * *

В небольшом помещении, выделенном под модельный цех, установили несколько станков. Станки были старые, дребезжащие, но Богомаз считал, что можно обойтись и такими. Модельщики сами сделали себе верстаки. Бурыкин принес из дома собственный инструмент, бережно завернутый в тряпку, и смастерил под верстаком ящик для его хранения. Не забыл он и заявление написать, чтобы ему платили за износ личного инструмента.

К первой своей работе вся бригада приступила ревностно. Тон задал Богомаз. Он допоздна засиживался над чертежами, переносил на фанерные щитки замысловатые профили и разрезы будущей отливки. Бригадир готов был сам трудиться без отдыха и заставлял других работать так же.

— Не спать, ребята, не спать, — весело покрикивал Богомаз, — Одолеем эту штуку — эх, и погуляем тогда!

Рабочих, действительно, увлекла «эта штука» — сложная модель станины какого-то нового, необыкновенного станка, предназначенного, по утверждению Толика Тараканова, чуть ли не для атомной электростанции. Может быть, Толик врал, но модельщики видели, что дело серьезное, и настроение у всех было приподнятое. Особенно старался Кошкин: соскучился парень по любимому делу.

Кроме «трех мушкетеров», члены бригады еще не были как следует знакомы между собой, но в горячке рабочего дня, в спорах, неудачах и находках они как-то по-особому сближались, открывая друг у друга те драгоценные черточки характера, которые проявляются в совместном труде. Пожалуй, не только Кошкин и Костя-капитан, но даже Бурыкин не вспоминал об уговоре с бригадиром. Не до того было!

В самый разгар работы случилось непредвиденное: оказались неточными несколько важных шаблонов. Бригадир ходил мрачнее тучи. Ведь это могло сорвать сдачу модели в срок, а Богомаз договорился с заказчиком, что если она будет сделана к установленному дню, то работу оплатят по наивысшим расценкам. Ребятам должны выдать в первую получку столько, сколько он рассчитывал, а они — отдать ему, что положено! Если в первую же получку этого не будет, добра не жди. Потом уж не приучишь.

Глядя на бригадира, растерялись и остальные. Выход был найден совершенно неожиданно, и предложил его Кошкин. Как-то поздно вечером, когда все ушли, он показал хмурому Богомазу листок бумаги с какими-то чертежами. Богомаз посмотрел, подумал и просветлел.

— Молодчик, Серега! С меня пол-литра! А вот здесь ты, кажись, напутал, — и карандаш Богомаза заскользил по бумажке.

— Точно! — обрадовался Кошкин, как будто сам нашел окончательное решение.

На следующий день повеселевший бригадир при всех сказал, что Кошкин придумал одно приспособление и теперь все будет в порядке. Ребята хлопали Сергея по плечу, а он смущенно потирал щеку.

А когда Костя Федоровский, проделав свой коронный номер, отнес на голове модель и легко поставил ее в ку-

зов машины, всем стало немного грустно. Все чувствовали, что этот деревянный остов с черными полосками на ярко-красном фоне не просто обычная модель, а первая общая работа, которая теперь связывает их всех вместе.

— Что носы повесили, орлы? — Богомазу не нравилась эта меланхолия. — Радоваться должны. Срок выдержали, ничего не заporоли.

— Интересно все же, что за станок из нашей модели получится? — ни к кому не обращаясь, задумчиво сказал Миляев.

— А нам-то что от этого? — махнул рукой бригадир. — Может, она развалится после первого раза или на слом пойдет...

— Ну, нет, я не согласен, — решительно сказал Кошкин. — Что мы, зря старались?

— Ладно, ладно! Только такое дело обмыть требуется. Айда сегодня куда-нибудь, магарыч за мной. Угощаю!

В ресторане Богомаз пил меньше других. Он исподтишка наблюдал за своими подчиненными, которым водка развязывала языки. Ему нужно хорошо знать этих людей. Вон Костя, говорит громче всех. Чувствуется, парень коноводить хочет. А эти двое слушают его. Что ж, учтем. Старик себе на уме, но будет молчать. Вот уголовник этот... кто его знает, чему он там научился, в колонии.

Когда принесли счет и кто-то из ребят полез за деньгами, Богомаз внушительно сказал:

— Ничего не надо. Плачу за всех я.

— Да ты что думаешь, — уставился на него пессимистическими глазами Кошкин; переходя без всяких церемоний на «ты», — ты что думаешь, мы сами не в состоянии? Или мы много кому должны? А, братцы?

— Ничего не думаю, а только как уговорились, мой сегодня магарыч. И точка.

— Да сядь, Серега, — Костя ухватил Кошкина за пиджак, — сядь! Мы бригадиру в зарплату сполна отдадим.

— Отдадите, отдадите, — усмехнулся бригадир, — ребята вы все славные.

6. КАЖДЫЙ ЗА СЕБЯ

«...Я тебе с Костей, конечно, не указчик. Вы живите, как хотите. Только эта заваруха не по мне. Ваших больших заработков мне не нужно. Теперь, что заработал — все мое. И морду этого Богомаза больше не вижу... А в Баку уже весна, деревья зеленые и люди в костюмах ходят»

(Из письма, приобщенного к судебному делу)

— Что ж это твой приятель такой неблагодарный? — Богомаз нервно забарабанил пальцами по дощатому столу.

Они сидели в маленькой комнате бригадира, отделенной от цеха невысокой фанерной перегородкой. Все уже разошлось, и бригадир беседовал с Федоровским с глаза на глаз.

— Кто его знает, — хмуро ответил Костя, — он в последние дни дурной какой-то ходил...

— Дурной? А не слишком ли умным захотел он стать? Не желаешь работать — пиши заявление, держать не буду. А то взял и сбежал... Сопляк. Может, он капать на меня вздумал?! Так ничего у него не выйдет! Богомаз не таких видал!

Костя опасливо поглядел на бригадира. Богомаз весь побагровел.

— Я, Прокофий Никодимович... — начал было парень.

— Что ты? Что ты можешь? Да я в твои годы хлопцами знаешь как вертел? Попробуй меня послушайся! А ты...

На скуластом лице Федоровского заходили желваки, означая, очевидно, тяжкую работу мысли. Да, что-то оборвалось между тремя мушкетерами. Когда он сказал им об условиях Богомаза, Толик не особенно удивился, а Миляга стал выламываться: «Пошел этот бригадир

к черту, ничего мы знать не хотим...» Но все-таки Костя их убедил тогда.

А что тут, собственно, плохого? Он, Костя, тоже арифметику знает. Ладно, отдают они Богомазу в каждую получку столько-то (Костя не сказал ребятам, что он платит бригадирю меньше, чем они). А сколько остается? Больше, чем на прежнем месте? Вот то-то! А если Богомазу не платить, так он бы их и не взял на «Стройдеталь».

Одно неясно: уж больно смело берет бригадир деньги, почти в открытую. Другой побоялся бы такие суммы с рабочих получать, а этот...

Словно читая мысли Федоровского, Богомаз сказал:

— Ты что думаешь, я эти деньги себе беру? По секрету, — он придвинулся к Косте и заговорил хриплым шепотом, — по секрету я тебе скажу...

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака потрепанную пачку бумажек и протянул ее Косте.

— Видишь? Это договора, которые заключают с нами заказчики. Так вот, чтобы иметь такую бумажку, надо дать заказчику другую бумажку, — Богомаз потер большой палец об указательный, — а иначе вам никто таких расценок устанавливать не будет. То-то! А вы, небось, думаете: у Богомаза денег куры не клюют.

— Да я и не думал, — пробормотал Костя.

— Ты не думал — другие предполагают.

Обычно молчаливый бригадир разговорился. Пусть-ка Федоровский разъяснит кому надо, куда идут эти деньги. На благо всей бригады! Чтобы заработки были хлебные. А кто не поймет — так Богомаз поговорит особо. Мало ли завистников на свете. И в бригаде такие, наверное, есть. Может быть, Костя их знает?

— Эх, парень, многого ты еще в жизни не понимаешь. Все берут, все дают. Не нами это заведено и не нами кончится. Каждый за себя. Понял?

* * *

Богомаз все чаще отлучался с завода, улаживая с заказчиками свои непонятные дела. За верстаком, работающим со всеми, как это положено бригадирю, его уже давненько не видели. С утра Прокофий Никодимо-

вич твердо вышагивал по мастерской, давал кое-какие указания, подписывал наряды и исчезал до следующего дня. В бригаде называли его «начальником цеха».

Впрочем, модельщики не очень нуждались в помощи бригадира. Работа шла хорошо, простоев не было. Последнее ставилось в заслугу Богомазу. У него всегда был наготове новый заказ, а если нужно, то и несколько.

Вместо себя Прокофий Никодимович оставлял Федоровского, хотя были в бригаде и более опытные люди. Косте-капитану это приятно льстило.

Вот и сегодня в его подчинении остались четверо: Тараканов, Бурыкин, Кошкин и вместо сбежавшего Миляева — молодой парень Мансур Габидуллин, которого все звали Мишкой. Над этим Мишкой в бригаде добродушно подтрунивали. Его привела сюда мать, знавшая Бурыкина, и со слезами на глазах просила пристроить к делу, а то парень «связался с какими-то там, ну, с этими, в узких брючках, у которых даже зп-мой шапок нет».

Бригадир вначале не хотел брать Мансура, который не так давно закончил ремесленное училище и имел всего лишь четвертый разряд, но потом согласился. Бурыкин по просьбе матери стал опекать ее непутевого сына. Парень оказался ленивым и нелюбознательным. Деньги бригадиру он отдавал безропотно, но сколько — никто не знал. Впрочем, кто сколько платил, знал один Богомаз. Таково было одно из правил бригадира.

У Мишки с его невнимательностью всегда что-нибудь не получалось, и он вечно приставал к модельщикам с разными просьбами. Не докучал он лишь бригадиру: побанвался.

Сегодня с утра Мишка подошел с какой-то рамкой к Косте и попросил помочь, так как его «опекун» Бурыкин был занят срочной работой. Федоровский тоже не был свободен, однако в помощи он никогда не отказывал.

Они пошли к станку, но из могучих рук Федоровского сегодня все валилось. Может быть, после вчерашнего разговора с Богомазом? Подошел Толик, потом освободившийся Бурыкин. любопытствовал, в

чем дело, и, наконец, решил вмешаться Сергей Кошкин.

— Дайте-ка сюда, — сказал он вспотевшим модельщикам.

Только к обеденному перерыву удалось ему наладить рамки. Тягуче загудел заводской гудок.

— Ну, и хорошо, — утерев лицо рукавом, Кошкин тяжело отдышался, — зато малолетке помогли.

— Какой я малолетка, — обиделся Мишка, — такое у каждого может случиться.

— Ладно! Пойдем-ка лучше, ты меня за это угоштишь.

Кошкин опять пристрастился к выпивкам. Не последнюю роль в этом сыграли обмывки, которые бригадир устраивал еще несколько раз после той первой модели.

Костя обедать не пошел. У него с собой был завтрак, сунутый в карман заботливой женой.

— Давай подзакусим, хватит на двоих, — предложил он Толику.

После истории с Милягой на душе у Кости-капитана остался какой-то противный осадок. И хотя убеждал он себя, что ничего дурного ребятам не сделал, а, наоборот, привел их на выгодное место, все же чувствовал он себя скверно. Но и Миляга хорош: смылся, даже «до свидания» не сказал.

— Так друзья не поступают, как Юрка, — после долгой паузы произнес Костя, вызывая Тараканова на разговор.

Они сидели на верстаках и жевали бутерброды. Толик сделал вид, что очень занят едой. Да и о чем было говорить? В последнее время Толик почувствовал, что ему чего-то не хватает.

Выше всего на свете Анатолий Тараканов ценил товарищество. В кинофильмах и книгах перед ним проходили, мчались в огне и дыму, скакали на лихих конях мужественные, смелые герои, люди, жертвовавшие кровью и жизнью, чтобы спасти друга. Этим людям Толик завидовал хорошей завистью и не сомневался, что в подобных обстоятельствах он тоже не дрогнет. Правда, ему ни разу не приходилось участвовать в таких делах, однако Анатолий был уверен в себе. Глядя в зеркало, Толик видел, что внешность у него не очень геройская:

нос вздернутый и уши торчат в разные стороны. Но силенок-то у него хватит!

И в обычной жизни существовали для Толика стальные законы товарищества. Но это были иные законы. Трое избивают на улице одного — вступишь за одного. В цехе набедокурил твой сосед — помоги исправить оплошность, но мастеру — ни-ни. В общежитие пришел пьяный жилец — проводи его до койки, а если назавтра комендант будет бегать и допытываться, кто разбил зеркало на первом этаже, молчи.

Толик давно дружил с Костей-капитаном и Милягой и не представлял, что один из них может поступить не так, как двое остальных. Когда Костя рассказал об условии бригадира, Тараканов задумался: «А выгодное ли дело мы выбрали?» Но Костя все разъяснил, и они втроем порешили — соглашаться. Юрка, правда, вначале засомневался, но потом тоже сказал «да».

И вдруг — нá тебе! Юрка нарушает уговор. Нет, так, конечно, не годится. Тут Федоровский прав. Но и Миляга, наверняка, имел какие-то серьезные доводы. А может, он прав?

Представления Анатолия о товариществе зашатались, и ему сейчас просто трудно, невозможно было разобраться во всем этом деле. Поэтому и не хотелось вести разговоры с Костей. А тот обиделся и тоже замолчал.

После перерыва все раздражало Федоровского. Что это Кошкин задерживается? Все уже давно у своих верстаков...

Костя вздрогнул от грохота открывшейся двери. На пороге стоял, покачиваясь, Сергей Кошкин.

— При-ивет честной компании! — возгласил он. Растрепанные черные волосы спадали ему прямо на глаза.

Все молчали. Молчал и Костя, не зная, что делать в таких случаях бригадиру.

— Как тебя через проходную-то пропустили? — с опаской спросил, наконец, Бурыкин.

— Меня? — пьяная ухмылка поползла по лицу Кошкина. — Да меня сам черт не удержит. А потом я не через проходную, а через забор...

Костя решил, что бригадирская власть больше не может бездействовать:

— Иди домой, проспись! Завтра отработаешь сверхурочно.

— Чего?! А это ты видел? — и Кошкин показал ему кукиш. — Да я ни тебя, ни твоего Богомаза не боюсь!

Костя шагнул вперед.

— Что ты мне сделаешь, ты, бригадирский прихвостень!.. Тебе Богомаз деньги платит, чтоб за нами следить? Да? Те самые деньги, которые мы ему даем?

Хорошо, что Толик и Бурыкин успели вытолкнуть пьяного Кошкина за дверь. Они с трудом успокоили Федоровского.

— Мне все равно, кто заменяет бригадира: я или кто другой, — тяжело дыша и ни к кому не обращаясь, сказал Костя, — а только я смотрю, что некоторые чем-то недовольны. Один даже сбежал.

— Зачем этот разговор затеваешь? — удивился Толик.

— А потому, что у нас плохое думают о тех деньгах, которые мы Богомазу отдаем. Так я могу внести ясность.

И Костя добросовестно изложил то, что услышал вчера от Богомаза, не забыв даже потереть большой палец об указательный, как это делал бригадир.

— И чего это ты нам все рассказываешь, мил человек? — Бурыкин состроил недовольную гримасу. — Знаешь и молчи. Заработки хорошие — значит, порядок. Каждый за себя пусть отвечает...

Когда Богомаз узнал о случившемся, он не очень ругал Кошкина. Только поинтересовался, по какому случаю тот пил.

— Полдня старался, наладил Мишке рамочки, научил его. Ну, он меня и угостил. А я еще добавил, — не подымая головы, сообщил Сергей.

Вот тут Богомаз рассердился не на шутку.

— Что у меня здесь, ремесленное училище? Полдня бездельничал! Учитель нашелся... В последний раз чтоб это было. Каждый за себя пусть старается!

«Каждый за себя...». Странно. Костя слышит эти слова уже третий день подряд.

7. ДВЕ ПРАВДЫ

«...Возглавляемая им бригада за указанное время в среднем выполняла план на 128,2 процента. Нарушений трудовой дисциплины в бригаде не было»

(Из характеристики, приобщенной к судебному делу)

— Можно к вам?

Высокая женщина в темно-зеленой кофточке с гладко зачесанными назад волосами решительно открыла дверь.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравствуйте...

Богомаз уже шел ей навстречу, приветливо улыбаясь.

— Тараканов, дай-ка табуреточку! Прошу, Татьяна Александровна, присаживайтесь. В гости к нам?

— В гости, в гости... Посмотреть хочу, что вы тут делаете, и поругать вас надо.

Татьяна Александровна работала на заводе мастером и была председателем завкома.

— За что же нас ругать? — удивился Богомаз.

— Будто не знаешь, — Татьяна Александровна всем говорила «ты», — бригада работает уже около двух месяцев, а на профсоюзный учет никто не встал и взносы не платите. Как это называется?

— Да-а, — протянул Богомаз, — нехорошо. Виноваты — исправимся.

— Давайте, давайте! И чтоб задолженность по взносам погасили в ближайшие дни.

На прощание Татьяна Александровна заметила:

— Пора вам, товарищи, в общественную жизнь втягиваться. Скоро отчетно-перевыборное собрание, чтоб была стопроцентная явка. Ты отвечаешь, Богомаз.

Начальство не докучало модельщикам своими визитами. Зашел как-то директор Волович, постучал пальцем по готовой модели, как бы проверяя ее прочность, поздоровался за руку со всеми рабочими и ушел. Был здесь, тоже однажды, секретарь комсомольского бюро. Он пожурил Габидуллину, единственного комсомольца в бригаде, за неплатеж членских взносов и велел

ему на следующий день явиться на субботник по уборке заводской территории. Мишка не явился, и секретарь больше не приходил. Забегал в цех парень, остриженный под «бокс», и предлагал немедленно вступить в спортивную секцию по игре в бадминтон (что это такое, модельщики не знали). Приходила девушка в яркой косынке, приглашавшая участвовать в заводском хоре (это было понятнее, но любителей не нашлось).

А вообще модельный цех посещало немного гостей. Возможно потому, что стоял он в стороне от основного корпуса, на отшибе. Богомаз лично подобрал это помещение. Пусть оно несколько мрачноватое (здесь раньше был склад), зато отдельное, никто не мешает, не сует свой нос. В цехе соорудили раздевалку и даже крохотную душевую. Бригадир хотел, чтобы у его ребят все было свое.

Если бы руководителей и общественников завода упрекнули в том, что они не интересуются новой бригадой, не ведут с модельщиками, как принято говорить, воспитательной работы, то они совершенно искренне изумились бы:

— То есть как это не ведем? На собраниях они бывают? Бывают. На политинформации и читки газет приходят? Приходят. На другие мероприятия их приглашают? Приглашают. Что для всех, то и для них.

Да, ораторы на собраниях, обращаясь ко всем, говорили и для этих шестерых. Объявления около проходной: «Завтра вечер „Готов ли ты жить при коммунизме?“», «Сегодня лекция...» — так же относились к ним. Но верно было и то, что до людей из бригады Богомаза все это не доходило или доходило в таких прописных истинах, которые, казалось, не имеют ничего общего с жизнью бригады.

Председатель завкома могла быть довольна: Богомаз обеспечил «сто процентную явку» на собрание. Модельщики сидели все вместе, перебрасываясь беззлобными шутками, понятными только им. Ребята чувствовали себя здесь чужими и поэтому старались держаться развязно. Костя фыркал: «Клуб какой мизерный, у нас разве такой был».

В перерыве Богомаза поздравил директор:

— Ты что это сидишь да помалкиваешь? Выступи, скажи народу, как работать будете.

Богомаз сказал коротко, но веско. Он говорил о социалистическом соревновании, об обязательстве сдавать каждую модель раньше срока, о внедрении передовых методов труда.

Когда он пробирался к своему месту, ему с уважением давали дорогу. И ребята были довольны: пусть знают, кто они такие, модельщики.

* * *

Все это было на поверхности: план, соревнование, обязательства. А в бригаде царил иной порядок, существовала другая правда.

Первого и шестнадцатого числа каждого месяца все пять модельщиков поодиночке заходили в фанерную комнатку бригадира и молча клали на стол деньги. Богомаз пересчитывал их и также молча прятал в карман.

Но и он был верен своему слову: рабочие, отдавая ему часть своего заработка, все же приносили домой больше, чем модельщики на других заводах.

— Где вы видели такие расценки? — любил говорить бригадир.

Богомаз кривил душой. Конечно, расценки были выше, чем в других местах, однако не намного. Как ни крутил бригадир с заказчиками, а урвать солидный куш было трудновато. Попадались иногда неопытные заказчики, горевшие желанием получить модель в три дня, с такими было легче, но старого литейщика не проведешь.

Основой высоких заработков бригады была напряженная работа без простоев, лишних перекуров и нередко по вечерам сверх положенного времени. Короче говоря, «вкалывали на «Стройдетали» правильно», по выражению Сергея Кошкина.

Жаловаться на своих парней бригадир не мог. Народ подобрался квалифицированный, неглупый, работающий. И, кажется, послушный. Вот только этот Миляев.. Хорошо, что все обошлось благополучно. Вызвали Богомаза к директору, пожурили немного и впредь предложили принимать более порядочных людей.

А остальные? Пока заработки хорошие — все будут тихие. Хотя, сболтнуть кое-кто может. Тот же Сергей

Кошкин орал спяна всякие глупости. Богомаз не забыл, нет!

— Семен! Пойди-ка сюда на минутку.

Бурыкин отряхнул фартук от опилок, пригладил редкие волосы.

— Слушаю, Прокофий Никодимыч...

В отношении Бурыкина к бригадир у последнее время стали проскальзывать нотки завистливого уважения. Как у слабого к сильному.

— Ты сегодня задержись после работы, когда все уйдут. Дело есть.

Вечером, оставшись вдвоем с Бурыкиным, Богомаз достал из-под столика начатую поллитровку и два гра-
ненных стакана.

— Присаживайся. Закусить, правда, нечем. Но ничего — мануфактуркой.

Выпили. Бригадир истово понюхал краешек рукава, крякнул. Бурыкин проделал то же самое.

— Ну, как, Семен, не прогадал, что ко мне пошел?

Бурыкин пожевал губами, но ничего не ответил.

— Погоди, друг, дальше лучше пойдет. Когда телегу подмажешь, она не скрипит и едет быстро, весело.

И принялся рассказывать о том, как ловко он договаривается с заказчиками, как дает им деньги и какую выгоду имеет от этого вся бригада. Бурыкин слушал, молчал и недоумевал. Что это он разговорился? От водки, что ли? Какое ему, Бурыкину, до всего этого дело? Или Богомаз хочет его убедить, что деньги, которые он получает с рабочих, идут целиком на подкуп заказчиков? Бурыкин — не такой дурак. Он знает бригадира не хуже, чем тот его.

— Вот что, Семен, — сказал, наконец, Богомаз, — есть у меня к тебе предложение.

— Какое? — насторожился Бурыкин.

— Я не всегда бываю в получку на заводе. То туда поедешь, то сюда. Ну, а ежели с наших ребят денег сразу не получишь, то они их с ходу пропить могут. Так, что ли?

— Бывает, — уклончиво отозвался Бурыкин, тугο соображая, куда клонит бригадир.

— Еще как бывает! Так вот я и хочу, чтобы ты в мое отсутствие получал с ребят эти деньги. Твое дело

маленькое. Я им скажу — они тебе сами будут отдавать. Но без лишних глаз.

Выжидательно поглядев на своего собеседника, Богомаз добавил:

— А за труды с тебя поменьше будет в общую кассу... Эдак рублей на сто...

— В каждые полмесяца? — живо перебил Бурыкин.

— Не-ет, это ты слишком жирно захотел, Семен. В месяц, друг, в месяц на сто рубликов меньше.

— Не пойдет, — Бурыкин даже привстал и оперся о стол обеими руками, — не пойдет, Прокофий Никодимыч! Двести — вот мой сказ!

После долгих споров сошлись на ста пятидесяти.

Так Семен Бурыкин стал сборщиком. Ему пришлось познакомиться с хитрой богомазовской системой. С одних бригадир получал «твердую ставку», другие платили ему сверх какой-то обусловленной суммы. И тем, и другим он умело регулировал заработки, чтобы не пострадала «общая касса».

Новые обязанности не показались Бурыкину обременительными. Все знают, сколько платить, делают это тихо и аккуратно. А сборщик знай только запиши на бумажку и вручи потом деньги бригадиру. А за это сто пятьдесят целковых в месяц! Можно сказать, на улице нашел! Он даже забыл, что эти сто пятьдесят рублей заработаны им самим и что он, как и все, продолжает платить Богомазу. А если и вспомнил бы Семен Бурыкин это немаловажное обстоятельство, то развеял бы только руками: «Здесь уж ничего не поделаешь, не дай бригадиру — сам ничего не получишь».

Еще больше был доволен Богомаз. Ему не надо теперь заниматься этим щекотливым делом — собирать деньги, маячить у людей перед глазами. Пусть сами собирают на общее, так сказать, благо. А он ни при чем. С помощью этих денег бригадир договаривается с нужными людьми. И все.

8. НОВИЧКИ ГОВОРЯТ «ДА»

Богомаза срочно вызвал Волович. Такие приглашения были довольно редки, и бригадир забеспокоился. Подойдя к двери директорского кабинета, он нервно докинул папиросу и постучал...

Никаких видимых причин для беспокойства у него не было. И все же в сердце закрадывалась тревога. Чужая душа — потемки. А тут целых пять душ. Богомаз старался заглушить это сосущее чувство страха. Но все-таки он боялся. Боялся люто, до тошноты.

Он был одинок. С кем поделишься? С женой? Валентину, моложавую ярко накрашенную женщину, интересовали только журналы мод, портнихи и плавание. Три раза в неделю она отправлялась в бассейн, а остальные дни сидела дома с дочерью. Когда муж пытался рассказывать ей о работе, она капризно морщила носик. Однажды он глухо сказал ей о своих необычных доходах. Валентина выслушала спокойно:

— Очень кстати. Я как раз собираюсь заказывать себе платье из нейлона. Знаешь, есть такой материал...

Кто знал, каких трудов стоило Богомазу казаться спокойным и уравновешенным! Наблюдая за людьми в метро, на улице, в ресторане, он ловил себя на том, что пытается заглянуть им в глаза, подсмотреть: а не боятся ли чего-нибудь и они? Даже водкой не удавалось заглушить тревогу, прочно поселившуюся в душе.

Пополневший, с обрюзгшим серым лицом и воспаленными глазами, Богомаз вел тяжкую жизнь человека, запертого в подполье. От того, что он делал, он не имел сил отказаться. Только в алчной страсти к деньгам существовало для него какое-то успокоение.

...Опасения были напрасны. Однако, выйдя из кабинета Воловича, Богомаз задумался. Директор сообщил ему, что в самое ближайшее время план бригаде будет увеличен примерно на сорок процентов и, следовательно, нужно подумать об обеспечении модельщиков заказами.

— Можете не сомневаться, Пал Семеныч, — заверил Богомаз, — за этим дело не станет.

Его беспокоило иное: придется брать в бригаду новых людей. А это опять новые опасения. Да, но ведь и денег будет побольше! Богомаз повеселел.

Искать людей через рабочих своей бригады он не хотел. Еще расскажут, чего доброго, о порядках в бригаде — и жди беды. Вот на Семена можно положиться.

Бурыкин дал неожиданный совет:

— А зачем нам самим искать, набиваться? Есть у меня на примете, Прокофий Никодимыч, один паренек,

Вообще-то сказать, жиденский паренек. Модельщик он никудышный, но дружков у него — вся Москва. И старые, и молодые. Осинкин ему фамилия.

Богомаз понял. Он попросил невзначай познакомить его с Осинкиным.

— Можно, — уверенно сказал Семен, — они у меня иногда собираются, в картишки играют.

Дома у Бурыкина бригадир застал нескольких парней, резавшихся в карты. «Притон, что ли, у него?» — с интересом подумал Богомаз.

Его познакомили со всеми, в том числе и с Пашкой Осинкиным, длинным прыщавым парнем, проигравшим уже около сотни и ужасно суетившимся. Когда все разошлись, Бурыкин задержал Пашку. На столе появились бутылка водки и стаканы. Богомаз завел разговор о работе и, между прочим, сказал, что ему нужны сейчас опытные модельщики. Может быть, у Осинкина есть кто-нибудь на примете? Бригадир взял бы и его самого, но разряд у него маловат, да и работы в бригаде много, по вечерам приходится вкалывать. Пашке такая работа не требовалась, но он сказал, что поговорит кое с кем.

Первые двое, которых привел Осинкин, бригадире не понравились: малоквалифицированные, да и к тому же с гонором. Третьего (Богомаз даже удивился, что Пашка знает таких людей) он повел в отдел кадров, и вскоре тот начал работать.

Иван Матвеевич Чесноков, или дядя Ваня (как стали его звать в бригаде), был тихим и немногословным человеком. Ходил дядя Ваня всегда в черном галстуке. На работу одевал старенькую чистую спецовку.

О таких, как Чесноков, в шутку говорят, что по их моделям отливали Царь-пушку. Иван Матвеевич начал работать в те времена, когда деревянные формы для отливок делались не по чертежам, а по наброскам на клочке бумаги. Два последних года Чесноков не работал, получая пенсию по инвалидности. Но потом здоровье улучшилось, и дядя Ваня решил вернуться к любимому делу. Было тут и еще одно обстоятельство. Его старший сын, живший под Москвой (тоже модельщик, через которого Осинкин и знал дядю Ваню), надумал построить дом и взять туда родителей. Так что деньги Чеснокову были очень нужны.

В работе дядя Ваня преображался. Дело он знал отлично, был не по возрасту ловок и сметлив. Костя и Толик с восхищением поглядывали на старика. Один лишь Кошкин морщился: его славе лучшего модельщика был нанесен удар.

В первую получку бригадир не взял у Чеснокова ничего, решив действовать по-иному.

Следующие две недели Чесноков по указанию Богомаза занимался грунтовкой и окраской готовых моделей. Все были удивлены: эти работы оплачивались невысоко и обычно производились поочередно. Однако никто ничего не сказал. Богомаз давно дал понять рабочим, что не позволит им вмешиваться в свои дела, и строго требовал, чтобы языки держались за зубами. Дядя Ваня казался удрученным, но работал старательно. В очередную получку ему заплатили в два раза меньше.

После работы он подошел к Богомазу:

— Прокофий Никодимович, что же это получается? Может, я провинился в чем?

Они вместе вышли на улицу и пошли к трамвайной остановке. Мостовые и тротуары в ту позднюю московскую весну были захвачены потерявшей терпение детворой. Мальчишки с упоением гоняли консервную банку, школьницы в белых передниках прыгали по квадратикам «классов», начерченных на асфальте.

— Что поделаешь-то, Матвейч? — заговорил Богомаз. — Я тебя понимаю, красить модели — не ахти какая работа. Но у нас такой порядок. Новый человек занимается покраской, чтобы других не отрывать, которые давно работают. Ты на меня, конечно, жаловаться можешь, мол, зажимает бригадир...

— Я жаловаться не собираюсь, — Чесноков снял фуражку и вытер платком бритую голову.

— Ну, не расстраивайся. Потолкуй лучше с ребятами. Может, они согласятся в очередь окраску делать. Вот хотя бы с Бурыкиным поговори, он человек у нас авторитетный...

Авторитетный человек объяснялся с Иваном Матвеевичем сочувственно и длинно: о заказчиках, расценках, о том, что все дают, а кто не хочет, у того и заработок меньше... Выслушав Бурыкина, Чесноков тихо поинтересовался: «Сколько?» Тот ему подробно растолковал,

и Чесноков согласился. Спорить было бесполезно. За вкрадчивой словоохотливостью собеседника чувствовалась чужая и твердая рука. «Лучше дать немного и получать больше, чем ничего не давать и зарабатывать с гулькин нос», — вспомнил он слова Бурыкина.

С того дня Чесноков красил модели не чаще любого другого. И суммы, которые ему выписывались в бухгалтерии, тоже были не меньше, чем у остальных модельщиков.

Последним пришел в бригаду Виктор Стрижов. Считая бригадира, он стал восьмым модельщиком на заводе.

* * *

— Как, Семен, все в порядке?

— Так точно, Прокофий Никодимыч.

— Свое взял? Хотя ты никогда не упустишь. А что новичок, не барахтался?

— Без звука, только спасибо забыл сказать. Куда ему деваться, Прокофий Никодимыч, у вас все до микрона рассчитано.

...Почему в ту первую зарплату Стрижов так легко и безропотно отдал деньги? С ним не хитрили, не ставили его на окраску моделей, просто подошли и сказали.

Нет, ему не понравилось предложение Бурыкина! Что за ерунда? Отдавать неизвестно за что и кому собственные деньги! Но Виктор был крайне удивлен выписанной ему большой суммой и не мог считать эту сумму целиком своей. И он отдал столько, сколько сказал Бурыкин. Как лишние деньги.

Какое-то неприятное чувство собственной оплошности осталось у Виктора. Он постарался заглушить его. Он не жадный — чужих рублей ему не нужно. А потом Стрижов узнал, что в бригаде платят все и платят немало. Во вторую, и третью, и четвертую полочки ему также выписывали больше, чем он рассчитывал. И снова Виктор отдавал Бурыкину «лишнее».

Когда же он понял, что отдает свои кровные, заработанные деньги, он, комсомолец Виктор Стрижов, продолжал платить. К тому времени у него изменились кое-какие представления о жизни.

9. О САБАНТУЕ, ХОРОШЕМ ЗАРАБОТКЕ И ЕЩЕ КОЕ О ЧЕМ

«— Почему же вы молчали?

— Так... Молчали...

— Это не ответ. Я спрашиваю, почему?»

(Из допроса в судебном заседании)

С трудом втиснувшись в переполненный вагон метро, они оказались плотно прижатыми к противоположной двери.

— Ну, как? — засмеялся Виктор. — В следующий раз поедешь или нет?

— Поеду, — Галя улыбнулась и мотнула коротко стриженной головкой.

Овальная чаша стадиона бурлит возбужденным человеческим многоголосьем. Радостное ожидание, всегда сопутствующее интересным играм, передалось и Виктору с Галей. Она впервые была в Лужниках. А Виктор чувствовал себя знатоком и, оживленно жестикулируя, ни на минуту не умолкал.

В перерыве они сумели пробиться к кондитерскому киоску и купили конфет. Виктора кто-то хлопнул по спине.

— Стрижов, привет! — это был Толик. Рядом с ним уплетал мороженое Мишка Габидуллин. Виктор заметил, что оба они были навеселе. — Что же ты с нами не пошел? Если «Спартак» их обставит, Богомаз обещал устроить сабантуй.

Заметив Галю, Толик подмигнул:

— Понимаю, ты сегодня в офсайде. Ничего, в следующий раз мы тебе штрафную поднесем.

Невдалеке Виктор увидел Богомаза, Кошкина, Бурькина и Костю. Не было только дяди Вани.

— Это с твоего завода? — заинтересовалась Галя. — Познакомь меня.

— В другой раз как-нибудь, — Стрижов поскущел.

Во втором тайме у него было совсем не то настроение. Он ясно представил себе, как после матча ребята

поедут к Бурькину. Опять будет много водки, опять все напьются, Кошкин затеет с кем-нибудь драку и его свяжут. А маленькая грязная комнатка будет сотрясаться от матерщины. Богомаз возьмет гитару и нарочито сиплым голосом начнет петь о «старой тюрьме Таганской».

Стрижов не любил эти слезливо-бесшабашные воровские песни. Откуда только Богомаз их нахватался? Не тем оказался бригадир, каким представлял его себе Виктор в первую их встречу, совсем не тем! Стрижов не обижался, что Богомаз, как только Виктор поступил на завод, сменил вежливое «вы» на «ты». Это чепуха. Были вещи посерьезнее. Хотя бы сабантуи.

* * *

Сабантуи были большие и малые. Большие — это когда собирались у Бурькина или шли в ресторан. Малые — пили прямо в цехе, заперев дверь, а то где-нибудь на улице, в подворотне. Деньги на выпивку давал Богомаз. Повод находился всегда: сдали большую модель, у Кости-капитана родился сын, Мишка Габидуллин с грехом пополам получил пятый разряд.

В сабантуях участвовала, как правило, вся бригада. Никогда не отказывался от «угощений» Костя Федоровский. Богомаз потреплет его по могучей спине и скажет:

— Здоров мужик! Такой выпьет бочку пива и ведро водки — и ни в одном глазу. Ей-богу!

Федоровский жмурился и гулко хохотал.

От обещаний Кошкина бросить пить не осталось и следа. Удобное дело затеял бригадир! Получку отдаешь жене почти целиком, а тут на тебе — прямо ко рту стопку подносят. И волки сыты, и овцы целы.

У Семена Бурькина к сабантуям был особый интерес. «Хоть шерсти клок», — думал он, видя, как Богомаз тратит деньги на водку. Это ведь и его рублики возвращаются назад в виде водки и закуски. Немного, но все же. И, кроме того, после очередной гулянки в комнате Бурькина кое-что оставалось: баночка консервов, колбаска, сырок.

Толик, Стрижов и Мишка просто тянулись за остальными. Толик Тараканов не мог поступать иначе: все друзья пьют, а он что, умнее их? И Виктор не хотел

быть умнее всех, не хотел «вылезать». Лишь после по-поек он испытывал щемящее чувство стыда за все то, что происходило во время сабантуев. А когда с грохотом гуляли в бурыкинской квартире, Стрижов забывал обо всем, на душе было легко, и бригадир казался компанейским парнем. Даже Мишка приохотился к водке. Один дядя Ваня старался избегать сабантуев, жалуясь на возраст и здоровье. Но и его затаскивали.

Все больше обволакивала этих людей дурманная сила алкоголя. Когда бригадир задерживал очередной сабантуй, Кошкин ворчал:

— Небось, сидит в ресторане и хлещет коньяк, а мы тут пропади пропадом...

Однажды он при всех сказал Богомазу, что ребята приуныли и не мешало бы собраться. Бригадир поощрительно улыбнулся:

— Ваша правда! Я тут с этими чертовыми заказами совсем замотался. Но дело поправимое. Айда сегодня?

С тех пор пьянки устраивались не только по бригадирским приглашениям. Богомаз старался не жадничать. Он считал, что деньги, потраченные на выпивку, дают ему возможность брать с рабочих много больше и что собутыльники не будут жаловаться на того, кто платит за водку. Это был отличный способ держать их в руках.

* * *

Виктор попросил Тараканова сходить вместе с ним в магазин, чтобы выбрать костюм. Стрижов задумал купить дорогой костюм, может быть, самый лучший из всех. Приятели отправились в ГУМ.

То, что хотелось Виктору, они не нашли. Огорченный покупатель и его советчик отправились домой.

— Слушай, — сказал Толик, — я тебя могу в один магазин свести... Дашь продавцу в зубы полсотни — он тебе такой костюм подберет!..

Виктора взорвало. Опять дашь! Богомазу даешь, продавцу давай!

— При чем тут Богомаз? — удивился Тараканов. — Это совсем разные вещи. И чего ты, собственно, против него имеешь? Зарабатываешь ты — дай бог каждому. Вон тебе костюм за тыщу семьсот не понравился, хочешь за две иметь...

В цехе часто говорили о том, сколько получают модельщики на других заводах. Все соглашались, что больше, чем на «Стройдетали», вряд ли где заработаешь. Обычно такие разговоры заводил Бурькин. Но он никогда не говорил о своих заработках. И вообще в бригаде никто не любил сообщать, сколько получает и сколько отдает в «общую кассу». Эта тема считалась запретной.

Вряд ли кто-нибудь из модельщиков, включая даже Мишку Габидуллину, сомневался, что «общая касса» — это богомазовский карман. Возможно, немного отдавалось и заказчикам. Сергей Кошкин, например, давно забыл разговор с бригадиром о начальстве, строящем дачу. Какое еще начальство, кроме Богомаза?

— А я, знаешь, — легко сказал Толик Виктору, — я те деньги, которые мы отдаем, даже не считаю, что получал. Как будто и в руках не держал!

Он, Виктор, ведь тоже заставляет себя так думать! Какое ему дело? За свой труд он получает с лихвой. А остальное его не касается. Главное — он хорошо зарабатывает, и нечего тут ломать голову!

И все же новое место не пришлось Виктору по душе. Тут думают лишь об одном: сколько получают. Бурькин себе специальную книжечку завел, все высчитывает. И Костя втихомолку какие-то записи делает. Как последние скареды.

А попробуй, попроси кого-нибудь помочь. «Что ты! Времени нет». Время — деньги. Ни у кого нет свободной минуты. «Здесь не школа, — говорит Богомаз, — учить нечего, давайте поживее, поживее. Каждый за себя».

Очень скоро Виктор убедился, что в бригаде явно халтурят. Вечная спешка — быстрее, заказчик ждет! — просто не давала возможности делать модели прочными и доброкачественными. Стрижов не привык так работать и однажды прямо сказал об этом Богомазу. Тот насмешливо взглянул на парня и ответил громко, чтобы все слышали:

— Видали, контролер из ОТК нашелся! Да если мы тут конопатиться начнем, ты хлеб с водой будешь жрать. Понял?

Был случай, когда на завод приехал разгневанный инженер из Подольска: новенькая модель после второй

формовки вышла из строя, литье получилось с браком.

— Что же вы делаете? — кричал инженер. — Смотрите, какая у вас вязка! А здесь все покособилось, не удосужились даже дерево просушить!

Потом он устало махнул рукой и сказал модельщикам:

— Если бы вы знали, какое дело сорвано! Какое дело!

Стрижов почувствовал, как краска заливает его щеки. Ему захотелось спрятаться, убежать куда-нибудь. И все остальные тоже старались не смотреть на инженера.

— Разорался, — пренебрежительно заметил Богомаз после ухода беспокойного гостя, — видали мы таких. Небось, получает в два раза меньше нашего Габидулина. А туда же — командовать!

Однажды Стрижов показал бригадире остроумную новинку, которую применил при заготовке колец.

— Молодчик, — похвалил бригадир, — мы, пожалуй, модель шестерни сдадим дней на пять раньше.

Но в БРИЗ подавать не советовал: «Какой толк? Тебе за это копейки заплатят, а возни сколько?»

Как-то заикнулся Виктор в цехе, что хочет пойти в вечернюю школу, а потом поступить в станкоинструментальный институт.

— Зачем тебе это сдалось? — поразился Костя. — Да ты больше всякого инженера получаешь!

«Неужели человека можно мерить только на рублевый аршин?» — со злостью думал Виктор.

Шли месяцы. Стрижов хорошо узнал своих товарищей. Ему нравились Толик, Мишка, дядя Ваня. Бурыкина он сразу невзлюбил: пронырливый старикашка и к тому же сквалыга страшный. С Кошкиным как-то тоже не сошелся. Виктор не признавал людей, не знающих, чего они хотят. Вот Костя Федоровский его изумлял. Здоровенный парень смотрит в рот бригадире, будто тот волшебник какой. Ну, прямо о нем сказано: велика Федора...

С бригадиром у Стрижова были сложные отношения. Виктор убедился, что Богомаз неплохой специалист. Это как модельщик. Все остальное в нем было чужим и скользким. Стрижов свыкся с тем, что два раза в месяц

он отдает этому человеку часть своего заработка. Свыкся, как и другие.

Неприязнь к бригадир у возникла не из-за денег. Виктору было не по себе от порядков, установленных в бригаде, от хозяйского тона Богомаза по отношению ко всем рабочим: «что хочу, то и ворочу», от этих щедрых подачек — сабантуев, от уверенности, что все на свете решают деньги.

Когда Богомаз уезжал к заказчикам, модельщики не стеснялись говорить о нем весьма непочтительно. И никто его не защищал, даже Бурыкин. Но когда бригадир был в цехе, тут уж держали языки за зубами. Ссориться с ним никто не желал. Чуть что, он тебя на такую работу поставит, что в получку не досчитаешься рублей пятисот.

Как-то в день зарплаты случилось необычайное происшествие. Кошкин отказался внести очередной взнос в «общую кассу». Испуганный Бурыкин бросился к Богомазу. Тот не спеша вышел из своего фанерного кабинета и остановился посреди цеха. Он решил дать сегодня урок для всех. Чтобы это было в первый и последний раз.

— В чем дело, Сергей? — угрожающе спросил он.

— Не могу я сегодня, Прокофий Никодимович, — Кошкин упрямо нагнул голову, — сын у меня заболел...

— Сын, говоришь? — голос Богомаза загремел. — А мне наплевать! Ты пей меньше, понял? Или, может, ребята за тебя внесут? А? — бригадир обернулся к молчавшим модельщикам.

— Да не могу я, не могу! — почти крикнул Сергей.

— Как знаешь. Только если сегодня не внесешь, можешь уходить. На все четыре стороны!

Никогда Виктор не слышал ничего подобного. Да что он над человеком издевается?! Ладно, Кошкин до этого пропивал деньги, но сейчас у него болен ребенок... Стрижов беспомощно оглянулся на модельщиков. Каждый делал вид, что это его не касается. Виктор заскрипел зубами. Он хотел сказать что-то Богомазу, но Кошкин уже выбежал из цеха, а бригадир вернулся к себе.

Минут через пятнадцать Кошкин вернулся и бросил на стол Богомазу три скомканные сотенные бумажки. Бригадир молча сунул деньги в карман.

10. НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Бурыкин не знал, когда это началось, но все чаще закрадывался к нему липкий червячок сомнений. Было время — Бурыкин ждал получку с плохо скрываемым нетерпением. Медлительный по натуре, в день зарплаты он становился лихорадочно бойким, на морщинистом лице выступали красные пятна. Даже руки у него дрожали.

Сейчас он буквально съеживался на глазах, когда приближался день получки. Заискивающе подходил то к одному, то к другому и тихонько напоминал... Богомаз старался в эти дни уехать к заказчикам или делал вид, что ничего не замечает, и Бурыкину приходилось терпеть много неприятных минут. То Кошкин, выругавшись, назовет его доносчиком, то Стрижов швырнет чуть ли не в лицо смятые деньги. Даже тихий и незаметный Чесноков выражал недовольствие.

Это было раздражение, но еще плохо осознанное и бессильное. Оно искало выхода и вымещалось по любому поводу, чтобы только отвести душу.

Бурыкина уже не радовали его сто пятьдесят рублей. Однажды он осторожно намекнул бригадир, что хотел бы расстаться со своей хлопотливой должностью, но тот так цыкнул, что Бурыкин больше не затевал подобных разговоров. После случая с Кошкиным он стал побаиваться бригадира.

А у Стрижова тот случай оставил ощущение совершенно невероятной несправедливости. Правда, Кошкин быстро успокоился и даже заговаривал с Богомазом об очередной пьянке. Но Виктор понимал: то, что кричал тогда бригадир, относилось не к одному Кошкину, а к любому из них.

Попробуй Расскажи кому-нибудь, что в цехе творится такое! Ни за что не поверят! Да и он бы сам раньше не поверил.

Как-то невзначай Стрижов подслушал разговор Кости-капитана с Таракановым. После рождения сына жена Федоровского бросила работу, и теперь он старался всю: работал по вечерам, выпрашивал у бригадира выгодные модели...

— Ты ему еще свечку в церкви поставь, — зло говорил Толик.

— Тебя за Милягой потянуло — так уходи, — огрызнулся Костя. — Богомаз быстро найдет тебе замену.

— Черт с ним! А вот возьму и не буду платить. Я ведь не Кошкин, нюни распускать не стану.

«Отказались бы все, дружно, и каюк этому Богомазу», — думал Виктор. Но попробуй сделай так, чтоб все! Тот же Тараканов сказал ему, что первым эту кашу заваривать не намерен. С Костей он ругается, чтобы тот не очень якшался с бригадиром. И опять слышал Виктор о больших заработках, о том, что такой работы не найти...

И все-таки недовольство просачивалось. Как ранней весной талая вода из-под снега.

Чуял Богомаз: неладное творится в бригаде. Но пока у него был один выход — чаще устраивать сабантуу.

* * *

После очередной попойки все были сумрачными и неразговорчивыми.

— Что-то приуныли вы, соколики! Или выпить захотели, алкоголики? — это было любимое присловье Богомаза. Но сегодня никто не улыбнулся.

В обеденный перерыв бригадир дал Мишке Габидулину деньги и послал его за водкой:

— Смотри, в проходной поосторожней.

— Что я, маленький? Не беспокойтесь — еще ни разу не попадался.

Когда Мишка принес два пол-литра, Богомаз велел запереть дверь и, откупорив бутылки, сказал:

— Ну, давайте по-быстрому, чтоб не засекли.

Первым потянулся Кошкин, за ним остальные. Мишка хотел было отказаться: в перерыв ничего не успел перекусить, но Богомаз разочарованно протянул:

— Э-э, а говоришь, что ты не маленький...

Парень с остервенением влил в горло почти целый стакан водки. Закусив бутербродом с сыром, который дал ему сердобольный дядя Ваня, Мишка почувствовал, как приятная теплота разливается по всему телу.

Когда все выпили и разошлись по своим местам, Богомаз велел Мишке раскроить на ленточной пиле несколько брусков, да побыстрее. Габидулину, модельщику

пятого разряда, не полагалось работать на станках, но бригадир смотрел на это сквозь пальцы.

Мишка с необычайной для него расторопностью установил на станке широкий брус. По шкиву донеслась узкая полоска пилы. Габиуллин действовал с лихостью и быстротой.

Так! Он в последнюю секунду отдернул руку. Ничего страшного. А ну-ка побыстрее! Второй брус пошел веселей.

Вдруг жужжание пилы прекратилось, и тут же в уши ударил пронзительный крик. Мишка, шатаясь, стоял у станка, закрыв лицо руками. Кто-то рванул его в сторону, кто-то подбежал и выключил станок.

Через цех огромными шагами бежал к Мишке Богомаз. Проклятая пила! Рабочие не раз говорили ему, что она плохо спаяна. И на тебе! Этот дурак Габиуллин дал слишком высокую скорость, и пила лопнула, ударила его по лицу...

Мишку положили на верстак. Кровь заливала ему глаза.

— За врачом надо бежать! — рванулса Толик.

— Подожди! — бригадир схватил его за руку. — Неси бинт и иод... У меня за перегородкой... В аптечке...

Парню обмыли лицо водой. Кровоточащая рана пересекала всю левую щеку.

— Слава богу, — сказал Чесноков, — глаз не задело.

Вытерев рану, Богомаз смазал ее иодом. Габиуллин громко застонал.

— Ничего, ничего, потерпи, Мишутка... Еще чуть-чуть. Потерпи...

Бригадир плотно забинтовал ему лицо и спросил:

— Чеснок есть у кого? Или лук?

Никто не понял. Какой чеснок? Какой лук? Зачем?

— Чего молчите? Есть, спрашиваю, или нет?.. Костя, поддержи-ка ему голову, я сейчас...

Он бросился к себе за перегородку и через минуту вернулся, держа в руке половинку луковицы.

— На, Мишутка, пожуй. Чтоб не пахло.

И, обращаясь к рабочим, добавил:

— А то начнут придирааться: в нетрезвом, мол, виде в рабочее время...

Дядя Ваня резко повернулся к бригадиру. Голос у него дрожал от волнения:

— Парня изуродовало, а он — пожуй... Эх, ты... Отойди отсюда! Мы сами.

Богомаз выпрямился. На него смотрели шесть пар глаз. И в этих глазах была такая сверлящая злость!.. Бригадир подался назад:

— Ну, ладно... Толик, давай за врачом! Витька, помоги мне перенести его на другое место, помягче...

В этот день толком уже никто не работал. В цех приходили какие-то люди, осматривали станок, качали головами, сердито разговаривали о чем-то с бригадиром.

Вечером осунувшийся Богомаз попросил всех остаться на минутку.

— Дело получилось дрянь, — глухо сказал он. — Но Мишке теперь не поможешь, а за нас могут взяться. Так что трепаться не нужно. Особенно насчет выпивки.

Бригадир помолчал.

— Кто еще не соображает, тем могу объяснить. Ежели начнут у нас тут копать, всем худо будет, не только одному Богомазу. Начнут с техники безопасности, мол, почему станки не ремонтируются, почему Габидуллин на пиле работал и прочее, а кончат расценками. Откуда да кто устанавливал... Понятно?

Все были так подавлены случившимся, что никто не хотел говорить.

— Ну, ладно, орлы! Что вышло — того не вернешь. Может, выпьем сегодня? А? Чтоб Мишке быстрее выздороветь...

Ни один не ответил бригадиру. Уходили из цеха молча, как будто и не было здесь Богомаза.

* * *

Дело принимало серьезный оборот. С начальством, правда, уладилось: получил Богомаз выговор в приказе и все. А вот с народом хуже: все недовольны, чего-то ждут, затаились. Считают, что из-за него произошла авария. О таких, как Кошкин, Тараканов и Стрижов, говорить не приходится: у них всегда ножи за пазухой. А этот здоровый балбес Федоровский! Забыл, какие ему бригадир денежные работы давал? Даже тихоня

Чесноков, и тот носом крутит: не нравится. Раньше перед бригадиром шапку ломал, а теперь первым не поздоровается. На Бурыкина Богомаз мог рассчитывать, когда все хорошо. Но чуть что случится — Семен сразу в тень, как крыса в нору. Вашим и нашим хочет служить. Нет, Богомаз знает: все это не из-за мальчишки пошло. Не хотят деньги платить, сволочи! Нужно что-то делать. Иначе пропадешь...

Перед очередной получкой бригадир объявил модельщикам, что, возможно, он был не прав, когда давал заказчикам такие большие суммы, собранные с ребят, и теперь он думает с этим кончать. Но все же придется каждому платить по сто рублей в месяц. Потому что еще по старым заказам он кое-кому должен. Бригадир из своих тоже будет платить.

Тут заговорили все разом:

— Правильно!

— Давно пора.

— Раньше додумался бы...

— И эти сто рублей незачем брать, — вдруг сказал Кошкин. — Мы деньги вам даем, а заказчиков мы не знаем...

Богомаз сжал кулаки:

— Я тебе, Кошкин, последний раз говорю — держи язык за зубами. А то как бы чего не вышло!

— А что выйдет? — чувствуя молчаливую поддержку товарищей, Сергей презрительно хмыкнул.

— Если кончать, — вмешался Стризов, — то кончать надо по-настоящему и денег больше ни с кого не брать.

Бригадир с трудом заставил себя сдержаться. Ну, погодите, щенки, вы еще узнаете, кто такой Богомаз!

— Хватит баламутить! — с верстака спрыгнул Костя Федоровский. — Довольно! Все ясно. Деньги пойдут на дело. Кто не хочет... — и Костя показал своим широким коленом, как выставляют неугодных.

«К месту слово сказал», — с облегчением подумал Богомаз.

* * *

Стризов и дядя Ваня собрались в больницу проведать Мишку. Ребята хотели было собрать деньги, но Виктор воспротивился:

— Есть тут у нас кому собирать, — он выразительно посмотрел на Бурыкина. — Кто хочет, пусть сам сходит проведать и купит, что надо.

Двоих в палату не пустили. К больному пошел один Чесноков. Вернулся он хмурый и чем-то взволнованный. Нет, у Мишки дела идут на поправку, швы сняли, скоро выпишут. Шрам только останется. Но был тут у него, оказывается, Богомаз. Упросил парня ничего не говорить начальству о выпивке в тот день и о том, что сам бригадир велел ему на станке работать. А за это пообещал, подлец, братъ с него меньше, по сотне в месяц. Парень ведь не знает, что теперь все так платят.

«Ничего у нас не изменилось, — нахмурия белесые брови, думал Стрижов. — Как было, так и осталось. Согласились тогда платить по сто рублей и успокоились. Как миленькие, отдаем каждый месяц. И Толик, и даже Кошкин слышать не хотят, чтобы начисто отказаться, всем вместе: «Подумаешь, сотня в месяц! Раньше больше платили». А заработки снизились: заказов меньше стало, простой появились. Как-то бригадир сказал Косте, а тот, не долго думая, всем, что если ребята согласятся давать как прежде, то и работы прибавится. Нет, волк все в лес смотрит. И других заставляет по-волчьи выть. Пора кончать с этим!»

Виктор понимал, что их бригада — это сорняк, чертополох в чистом поле, который надо вырвать с корнем. Он видел, что жизнь, настоящая, боевая и задорная, кипит где-то рядом, а они оказались в застоявшемся и зловонном болоте. Совсем недавно Виктор читал в газете, как комсомольцы какого-то города работали без отдыха восемнадцать часов подряд, чтобы восстановить вышедший из строя городской водопровод. А когда им решили заплатить за сверхурочную работу, они даже возмутились: «За что? Ведь мы для своего же города воду дали. Для себя!..»

— О чем задумался? — прервал дядя Ваня невеселые размышления Стрижова. Они подходили к станции метро.

— Вот что, Иван Матвееч, хочу с тобой серьезно поговорить. Давай зайдем куда-нибудь, посидим, потолкуем, — Виктор огляделся. — Вон закусовая! Пошли, а?

— Какой разговор-то будет?

Стрижов промолчал.

В маленькой закуской около метро, где вечерами всегда полно народа и густо висит сизый табачный дым, эти двое — светловолосый парень и пожилой человек с бритой головой — все же решились. Нелегко было, но решились.

11. НЕ ТАК СТРАШЕН ЧЕРТ...

«В предъявленном обвинении Богомаз виновным себя не признал. Однако его виновность полностью подтверждается всеми материалами дела... При задержании в проходной завода в день получения зарплаты у Богомаза, помимо выплаченной ему в бухгалтерии суммы, были обнаружены еще 650 рублей. Номера этих купюр совпали с номерами купюр, выданных в тот день рабочим и заблаговременно переписанных в бухгалтерии. У каждого из модельщиков, задержанных в тот же день, недоставало по 100 рублей. Пятьдесят рублей Богомаз отдал обвиняемому Бурыкину как сборщику... На очных ставках все свидетели, дававшие бригадирю деньги, изобличили Богомаза...»

(Из обвинительного заключения)

Когда бледного, с трудом передвигавшего ноги бригадира два оперативных работника сажали в милицескую машину, где уже находились все модельщики, он затравленно посмотрел на них и процедил сквозь зубы:

— Что, сволочи, продали?

В дороге с Богомазом случилась истерика. Согнувшись и уронив голову на руки, он иступленно зарыдал:

— За что же вы меня так, ребята?! Что я вам плохого сделал?

Всем сидевшим в машине стало не по себе. Модельщики старались не смотреть на своего бригадира. Он был слишком жалок, Богомаз...

В милиции сказали, что рабочих привлекать к ответственности не будут, так как в отношении их применялось вымогательство взяток. Модельщиков допросили, и они возвратились на завод.

Их сразу же вызвал к себе директор.

— Да кто мог знать, что вы там такое творите! — кричал он, бегая по кабинету мелкими шажками. — На всю Москву осрамили!..

Неприятный разговор прервал седоватый человек с протезом вместо левой руки и с орденскими колодками на пиджаке. «Самойлов, секретарь партбюро», — шепнул Толик Стрижову.

— Что их сейчас пытать, Павел Семеныч, — негромко сказал он директору. — Видишь, люди совсем растерялись. Дай им с мыслями-то собраться. Мы с тобой тоже здорово виноваты. Я в первую голову. Не помню, когда и был у них. Коммунистов там нет, ну и... Проморгал, одним словом. А сейчас им помочь надо...

На следующий день Стрижов прямо сказал модельщикам, что в милицию сообщил он.

— И я вместе с ним, — дядя Ваня поднял голову от верстака и без нужды стал поправлять свой черный галстук.

Эту новость модельщики встретили по-разному. Никто, конечно, не жалел Богомаза: хватит, высосал он из них много, пусть теперь расплачивается. Но решиться на такое...

Бурыкин злобно зашептал, оскаливая золотые зубы:

— Меня доносчиком обзывали, а сами втихую вон что сделали.

Он был очень напуган. Следовательно сказал, что его будут судить как посредника. Правда, Бурыкина не арестовали, но взяли у него подписку о невыезде.

— А кем ты был при Богомазе? — презрительно глянул на него Кошкин.

— Кем был — не твое дело, — шипел Бурыкин, — зато теперь увидим, какие заработки будут.

То, о чем сказал Бурыкин, беспокоило всех. Что ни говори, а получали они до этого прилично. Потому-то и платили Богомазу. Теперь этого клеща убрали, но если хороших заработков не будет — какая тут работа? Особенно переживал Костя: привык приносить домой солидный куш.

И действительно, зарабатывать стали меньше. Поубавились заказы, а простые следовали один за другим. Бурыкин злорадствовал.

Хотели назначить бригадиром Чеснокова, но он наотрез отказался: еще подумают — выдал Богомаза, чтобы занять его место. Дядя Ваня предложил кандидатуру Тараканова.

Однако у Анатолия дело сначала кленлось слабо. Заказчиков он не знал, иногда принимал заказы на такие модели, которые со старыми станками год будешь делать. Виктор, дядя Ваня и вышедший из больницы, побледневший, с розоватым шрамом на щеке Мишка Габидуллин решили не оставлять Толика. Все вместе, уж на что Мишка раньше ленив был, засаживались по вечерам, копались в чертежах, спорили, переругивались. За ними потянулся Кошкин, а потом и Костя-капитан. Не привык Федоровский ходить в последних, но тут уж ничего не поделаешь, против всех не пойдешь. Был когда-то заводила, главный мушкетер, а теперь весь вышел. Миляга сбежал, Толик в начальство выбился. Где-то допустил Костя-капитан просчет. Нет ему теперь веры. Для ребят он все еще богомазовский любимчик.

Потом работа пошла лучше. Помогли заводские инженеры. Секретарь партбюро Самойлов тоже поддерживал бригаду: с его помощью получили два новых станка.

Заказов оказалось вполне достаточно, даже больше, чем могли выполнить модельщики.

И никаких взяток заказчикам! Это Богомаз им тогда мозги крутил, врал. Кое-кому из прежних заказчиков Тараканов открыто сказал, что расценки нужно пересмотреть — слишком высоки. Бурыкин даже за голову схватился: «Что делает, молокосос!» Костя и Сергей

Кошкин тоже удивились. Однако остальные поддержали нового бригадира: «Лишних денег нам не нужно».

Медленно, иногда со скрипом, но твердо и уверенно менялась жизнь в бригаде. Не стало этих вечных разговоров: где кто сколько зашибает. Если одному удавалось сделать модель так, что из литейной звонили на завод и благодарили («думали, она десяти формовок не выдержит, а уж сорок три сделали»), радовались все.

Виктор готовился подать в БРИЗ первое свое на «Стройдетали» рационализаторское предложение. Вот Кошкин, тот сокрушался: некому теперь сабантуи устраивать...

* * *

Упорство Богомаза не поколебало убеждения следователя, основанного на совершенно бесспорных фактах, — этот человек виновен. Дело можно было считать почти законченным, если бы не один важный пробел...

Следователь Петросян подсчитал, что за полтора года бригадир получил с рабочих изрядную сумму — пятьдесят — шестьдесят тысяч, не меньше. Но где эти деньги? В день ареста Богомаза в его доме под Москвой был произведен тщательный обыск. Обнаружили две тысячи рублей, золотые вещи жены, портсигар, тоже из золота, — и все. Обстановка в доме была хорошая: ковры, холодильник, стиральная машина... Однако ничего такого, чего не мог бы купить на свою солидную зарплату бригадир модельщиков. Если, правда, учесть, что жена не работает и в семье есть еще восьмилетняя дочь, то обстановка несколько роскошная, но Богомаз божится, что и он, и жена, и дочь ничего не пили, не ели, а только покупали все эти дорогие и добротные вещи.

В поселковом отделении милиции, куда следователь зашел после безрезультатных расспросов соседей («мы к ним не ходили и они к нам тоже»), его ничем не порадовали. Пожилой майор просто устал, отвечая на вопросы этого неугомонного смуглолицего человека. Нет,

о Богомазах они ничего не знают. Наверное, тихая семья, не пьют и не безобразничают.

— Может быть, у вас какие-нибудь непонятные случаи происходили? — уже в отчаянии воскликнул Петросян.

Ему дали посмотреть заявления по некоторым нераскрытым делам. Их было немного.

Просматривая документы, Петросян наткнулся на заявление шофера Алексея Кутника, в котором рассказывалось, что этот Кутник «в позднем часу ночи» на Сосновой улице стоял со знакомой девушкой. Мимо них прошел гражданин в плаще и на просьбу прикурить отдал Кутнику спички. Очевидно, при этом гражданин выронил триста рублей тремя бумажками, которые Кутник заметил уже после ухода неизвестного и теперь передает в органы милиции «на предмет розыска и отдачи». Внизу на заявлении рукой дежурного была сделана запись о том, что на каждой сторублевой купюре написано карандашом одно слово: «Подавись».

Деньги оказались в отделении, их не сдали в банк именно из-за этих странных надписей.

Через два дня было уже точно установлено, что эти триста рублей отдал Богомазу Кошкин примерно полгода назад, в тот день, когда он попытался отказаться от уплаты денег и бригадир кричал, что выгонит его с работы. С досады Кошкин на каждой сторублевке написал: «Подавись».

— В знак протеста, — усмехнулся следователь.

Еще и еще раз совершая путь от дома Богомаза к тому месту, где стояли Алексей с девушкой, Петросян убедился, что, выйдя из поселка, бригадир мог идти только вдоль поля по направлению к заброшенной сторожке.

Около двух часов Петросян с тремя работниками милиции в присутствии понятых тщательно исследовали каждую доску, каждую щель ветхой хибарки. Когда, наконец, был обнаружен тайник, из которого извлекли железный ящичек, обернутый в промасленную тряпку, и, открыв его, нашли деньги — 42 тысячи 500 рублей, Петросян устало вытер руки и сказал:

— Все. Дело Богомаза можно передавать в суд.

12. ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ, ИМЕНЕМ ТОВАРИЩЕЙ

«...Народный суд под председательством И. Я. Задорожного приговорил Богомаза к восьми годам лишения свободы. Его пособник Буркин осужден к двум годам лишения свободы условно. Московский городской суд оставил приговор в силе»

(Из газетной заметки)

Стрижова вызвали в зал судебного заседания одним из первых. Протискиваясь сквозь плотную толпу, заполнившую заводской клуб, он вдруг почувствовал, как тяжело ему выходить к судейскому столу, где его будут осматривать, ощупывать, оценивать сотни глаз.

Он плохо помнит, о чем его спрашивали и что он отвечал. Ему казалось: допрашивают не по существу, а отвлекаются куда-то в сторону. Когда, наконец, окончился его допрос и он стал внимательно слушать все, что говорилось в зале суда, он понял, почему свидетелей допрашивают именно таким образом. Понял, что свидетели-то они особые...

Судья Иван Яковлевич Задорожный, казалось, вел не допрос, каким его представлял Стрижов, а беседу, откровенную, до резкости правдивую и при всем народе.

Его интересовало буквально все. Почему Юрий Милев уехал, разве не мог он убедить ребят выступить против взяточника? Почему Мансур Габнуллин не был ни на одном комсомольском собрании и откуда взял Анатолий Тараканов, что товарищеский долг — молчать, когда обируют тебя и твоих друзей? Почему Чесноков, самый старший в бригаде, боялся слово сказать Богомазу, хотя видел, что ребята спиваются?..

Люди, сидящие в зале, судя по гулу одобрения или негодования, по сказанным вполголоса репликам, прекрасно понимали, куда клонит суд: как могли шестеро рабочих, советских рабочих, терпеть больше полутора лет этого вымогателя?!

О самом Богомазе как-то не очень много говорили на суде. Но он напоминал о себе:

— Вы мне лично давали? Нет? А может Бурькин брал себе те деньги? За мой счет вы пили? А деньги мне возвращать нужно было?

На суде Богомаз придумал новую версию: деньги он получал с рабочих за то, что давал им на выпивки. «Ишь, гад, на чем сыграть вздумал», — толкает в бок Тараканова Виктор. Но зал не верит Богомазу. Ясно: карманы набивал за счет рабочих и их же спанвал.

Стрижову и его товарищам стало не по себе, когда судья начал допрашивать Алексея Кутника. Все видят: парень поступил хорошо и просто, так, как нужно, и нечему тут удивляться. Нашел деньги и отнес их в милицию. А потом по этим деньгам нашли целый клад, спрятанный Богомазом. Случай? То, что Богомаз потерял деньги, — да, а то, что этот шофер отнес их в милицию, — нет. Вот вы, Стрижов, Кошкин, Федоровский, вы бы поступили так же? Думаете, что да? А разве это честно — давать взятку, чтобы побольше зарабатывать?

Из речи прокурора Стрижову запомнилась фраза о том, что организованная система взяточничества, которую создал Богомаз, в наше время такая же дикая нелепость, как, скажем, частная фабрика или десятиэтажный дом на улице Горького, принадлежащий купцу первой гильдии. Странно только, что люди из бригады Богомаза не поняли, в какое время они живут. Но в основном прокурор говорил о подсудимых, и Стрижов облегченно вздохнул.

Общественный обвинитель Самойлов начал с того, что прямо сказал: «Мы виноваты: просмотрели этих людей». О бригадире он говорил недолго. Зато модельщикам снова стало жарко.

— Вы, наверное, думаете, — Самойлов правой рукой поправил протез, — что за свои хорошие заработки платили Богомазу деньгами? Нет, вы более дорогой ценой платили ему. Тем, что перестали разбирать, где правда и где ложь. Вы радовались, когда бригадире удавалось за легкую работу высокие расценки урвать. А у кого вы рвали? У государства! Значит, у самих себя, у других рабочих. Вам стало безразлично: хорошо или плохо сделана ваша модель. Лишь бы заплатили. Был раньше Виктор Стрижов рационализатором, хотел в институт

поступать, а пришел на «Стройдеталь» — все бросил. Дружили раньше трое хороших ребят — Федоровский, Тараканов и Миляев. Посулил одному из них Богомаз побольше заработка — и дружба врозь. Зарекался Кошкин пить бросить — не смог: закрутили его богомазовские сабантуи. А за пьянство пришлось расплачиваться Мансуру Габдуллину... Совестью, честью рабочего человека — вот чем вы заплатили!

...Приговор оглашен. Тише! Иван Яковлевич стучит карандашом по столу, еще не все. Он зачитывает частное определение. Виктор, Толик, дядя Ваня застыли. Это о них.

— Хотя действия рабочих, у которых подсудимый Богомаз вымогал взятки, и не содержат состава преступления... Нарушили нормы коммунистической морали... Материалы о неправильном поведении Кошкина, Стрижова, Габдуллина, Чеснокова, Федоровского, Тараканова передать в товарищеский суд...

Теперь все. Виктор слышит, как гудит потревоженным улеем зал:

— Здорово всыпали!

— Кому, Богомазу-то?

— Да всем им. Даже мальчишку этого со шрамом и тех двоих, что заявили, в товарищеский суд передают...

* * *

Еще одно суровое испытание выпало на их долю. В том же заводском клубе, на виду у тех же людей. В углу сидит Иван Яковлевич Задорожный с блокнотом в руках: пришел народный судья послушать, что товарищеский суд скажет.

Еще тяжелее показалось Стрижову, Тараканову, Косте и всем другим это второе испытание. Прямо из зала вставали люди и не очень складно, по-простому, по-рабочему обвиняли их. Чесноков и Стрижов, верно, меньше виноваты, все же очухались, но долго же вы собирались, приятели! А другие где были? Эх вы, молодцы против овцы...

И дирекции, и партийной организации досталось, и завком не забыли. Вы за планом глядите? Хорошо. А людей вы видите? Такого второго, как Богомаз, на заводе, конечно, нет. Но кое-кто из мастеров да бригадиров любит помагарычить. Разве вы их не знаете?..

Выйдя на улицу, Виктор вдохнул, наконец, всей грудью свежий воздух. Его кто-то окликнул по имени. Стрижов обернулся. Не может быть! Стоит у клуба и поглаживает усы дядя Миша! Его первый бригадир, первый учитель с машиностроительного...

— Иди-ка сюда, Витек,— поманил он его пальцем,— иди-ка, давно мы с тобой не виделись. Что же ты тут натворил?.. Эх, голова садовая...

Стрижов хотел что-то ответить, но дядя Миша не дал. Стал рассказывать о заводских делах, о ребятах. У них теперь бригада коммунистического труда, все учатся, только вот сам бригадир не садится за парту, стар уже.

— А Славку и Андрюшку помнишь? В институте, на заочном. Ты-то побойчее их был, а вишь, обскакали.

Взглянув на осунувшегося, усталого Виктора, дядя Миша спохватился:

— Ребята меня просили узнать: может, ты обратно хочешь? Так мы походатайствуем. А?

Виктор выпрямился. Спокойно и серьезно встретил взгляд своего бывшего бригадира:

— Нет, дядя Миша, я останусь здесь. Когда-нибудь и мы будем бригадой коммунистического труда...

Дядя Миша хотел было сказать ему что-то, но вместо этого стиснул в своей шершавой ладони руку Виктора.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
1. Двое принимают решение	7
2. Встреча с бригадиром	9
3. „С тебя причитается, парень...“	12
4. Карьера Богомаза	16
5. Один амнистированный и три мушкетера	20
6. Каждый за себя	28
7. Две правды	34
8. Новички говорят „да“	38
9. О сабантуе, хорошем заработке и еще кое о чем	43
10. Несчастный случай	49
11. Не так страшен черт...	55
12. Именем Республики, именем товарищей	60

Илья Щедров

„Оплачено совестью“

Редактор *В. М. Чикул*
 Художник-оформитель *Б. А. Кельберер*
 Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
 Технический редактор *Н. М. Тарасова*
 Корректоры: *Т. Д. Гончарова, Ю. С. Захарова*

Сдано в набор 1/IV 1960 г.	Подписано в печать 5/V 1960 г.	Формат
бумаги 84×108 ^{1/2} мм.	Объем: физ. печ. л. 2,0;	условн. печ. л. 3,23;
учетно-изд. л. 3,21.	Тираж 200 000	А-05710. Цена 75 коп. Заказ № 1333.

Госиздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза.
 Ленинград, Измайловский пр., 29.